

Надин Гордимер Там что-то есть

Стэнли Доброу удалось-таки, при помощи фотоаппарата «Кэнон» – одного из трех, подаренных ему на конфирмацию, – сфотографировать эту тварь. Он сделал это! Пообещал – и сделал. Шарон с Хилтоном могут подтвердить.

В сущности, все, что они видели, это как он пулей выскочил из бассейна и ринулся в дом за камерой, оставляя мокрые следы на лестнице, покрытой новой ковровой дорожкой. Да еще две схлестнувшиеся верхушки деревьев. Негусто...

Только много позже, когда и другие стали утверждать, будто видели это или похожее на него существо либо сталкивались с результатами его появления в пригородах (в одном месте оно загрызло роскошного персидского кота, в другом нашли останки растерзанной четырнадцатилетней таксы), – тогда только отец Стэнли поверил сыну и позвонил в редакцию, чтобы рассказать о сенсации.

«Хищный монстр резвится в богатых предместьях», – озаглавил свою заметку один из заместителей редактора массовой воскресной газеты, недавний выпускник университета. Первый зам нашел выражение «хищный монстр» слишком претенциозным и заменил «диким зверем», к тому же поставил в конце фразы вопросительный знак. В заметке рассказывалось о том, как тринадцатилетний школьник первым увидел чудовище и попытался запечатлеть на фотопленке.

Фамилия Стэнли, лишившаяся последнего слога еще в 1920 году, когда его прадед Лейб Добровский эмигрировал из Литвы, впоследствии претерпела еще одну метаморфозу, превратившись в Добрава. Мать мальчика добросовестно исправила эту ошибку во всех газетных вырезках, которые затем разослала родне: свекрови, заграничному кузену и семье дальних родственников, тех самых, что подарили мальчику «Кэнон». Посыпались звонки: «Это правда, что про Стэна написали в газете? Что он там все-таки увидел?»

По мнению одного ветеринара, следы от зубов, оставленные зверем на трупиках домашних любимцев миссис Шины Маклеод, были в точности такими, как после укуса дикой кошки. Менее сотни лет назад она, называемая также виверрой, или циветтой, в больших количествах водилась в окрестностях Йоханнесбурга. Известно, что представителям фауны свойственно возвращаться в места обитания их предков. Помните самоубийственный заплыв пары слонов? Они отправились искать древние площадки для брачных игр, а те давным-давно стали дном искусственного моря.

Бывший владелец зоомагазина высказал в «Ридерс ревью» догадку о том, что пресловутый зверь – почти наверняка одичавшая обезьяна, чей-нибудь беглый питомец. Свидетели дружно возразили: хищник был гораздо крупнее, хотя и вполне мог относиться к семейству обезьян. Стэнли Доброу и его друзья дали описание его морды, мелькнувшей меж деревьями и отразившейся в воде плавательного бассейна: темная, с глубоко посаженными глазами. Что именно его спугнуло – резкий ли рывок Стэнли или рокот гусеничного вездехода, очищающего берег от грязи, – на этот счет друзья не пришли к общему мнению.

Как бы там ни было, это происшествие приятно отличалось от привычных, порядком надоевших новостей. Сплошные забастовки, грызня между фракциями в правительстве, еще недавно казавшегося столпом нерушимой власти; споры из-за границ, которым вроде бы полагалось служить гарантией мира и процветания; студенческие бунты; фермеры, недовольные низкими ценами на их продукцию; потребители, вынужденные все больше платить за хлеб и кукурузу; новые оскорбления нации в виде бойкота и грубого досмотра южноафриканских рыболовных судов в связи с обвинениями в нарушении границы территориальных

вод. Поговаривали, будто местная рыбная промышленность терпит крах из-за браконьерства со стороны русских – еще один повод для тревог!

И вдруг – этот случай в окрестностях Йоханнесбурга! Обыватели словно вернулись в старые добрые времена, еще до того, как черных стали называть «мистер» и под влиянием коммунистов обвинять во всех грехах белых. То ли дело раньше, когда газеты печатали милые сердцу истории о тыквах-великанах и – это миссис Наас Клоппер особенно хорошо запомнила с детства – льве, который мирно уживался в одной клетке с маленьким фокстерьером. Эта, условно говоря, обезьяна давала обильную пищу для размышлений и пересудов потому, что имела отношение к вашей собственной жизни (представьте себе, какой ужас – увидеть монстра в собственном дворе!), а не к тому далекому, почти несуществующему миру, который вы никогда не видели и не увидите, как, например, штаб-квартиру Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке или черные гетто – Соуэто.

Миссис Наас Клоппер (как она всегда называла себя, хотя ее звали Эстер) узнала о монстре из «Трансваальской газеты», которую читала, сидя у себя в гостиной и ожидая, когда сварится рис к обеду. Она очень любила эту гостиную и весь свой «милый дом» с комнатами на разных уровнях, построенный Наасом в соответствии с ее художественным вкусом пятнадцать лет назад, когда его агентство по продаже сельскохозяйственных участков только-только начало приносить доход. Расположенный на задворках небольшого города–спутника, дом имел все удобства и ничем не уступал богатым особнякам в фешенебельных районах Йоханнесбурга и Претории. Рис варился в полностью электрифицированной кухне с микроволновой печью и холодильником. К спальням примыкали ваннные комнаты с зелеными и розовыми стенами, увешанными кашпо с декоративными растениями. На окнах гостиной, где хозяйка восседала на обтянутой бархатом поролоновой софе, красовались пластиковые венецианские жалюзи пастельных тонов, дедероновые занавески и бархатные гардины в тон. Все двенадцать обеденных стульев были заботливо покрыты чехлами из кружева с узором в виде пастушков и пастушек, собственноручно связанного хозяйкой. Засушенные цветы и панно из ракушек – тоже ее работа; она же связала крючком петли с кисточками для цветочных горшков, подвешенных над плетеной мебелью на застекленной террасе. А медные декоративные тарелки она приобрела во время поездки в Виктория-Фоллс, когда Родезия еще называлась Родезией. Телевизор был вставлен в резной корпус. Табуреты вдоль мини-бара имели туземный колорит: они были обтянуты шкурой собственноручно подстреленной Наасом антилопы пала. Во дворе Наас устроил плавательный бассейн в форме палитры – точно такой же, как тот, расположенный в сорока километрах отсюда, где плавали Стэнли Доброу и его друзья.

Вместе с тем, в их обители витал неистребимый дух унылого крестьянского дома, в котором Наас провел детство. Он не любил вспоминать об этом с тех пор как перешел границу между крестьянином и коммерсантом, между прошлым, в котором буры¹ занимались исключительно сельским хозяйством, а уитлендеры² торговлей, и настоящим, когда африканеры заняли господствующее положение в развитой индустриальной стране, став предпринимателями, биржевыми брокерами, пивными миллионерами – одним словом, «коммерсантами». И все же при строительстве дома из подсознания выплыли воспоминания о длинных темных коридорах в доме его матери.

¹ Бур (самоназвание – африкандер, или африканер) – житель Южно-Африканской Республики голландского происхождения.

² Уитлендер – «пришелец, «неафрикандер» (лицо неголландского происхождения, обычн. англичанин).

Он застал миссис Наас в коридоре с голыми стенами – та направлялась на кухню, чтобы откинуть рис.

– Эстер, ты не могла бы на скорую руку приготовить нам кофе или чай?

– У меня как раз поспел обед.

В поведении мужа было что-то неестественное; она называла это «напускать на себя» – так бывало, когда он занимался бизнесом. У него не было времени снять с себя официальный вид, как он снимал шляпу, входя через кухню с улицы.

– Кто с тобой?

– Молодая супружеская пара. Это насчет усадьбы Клейнхенов. Они остались в машине. Отопри парадную дверь,

– А почему – «чай»?

– Они разговаривают по-английски.

Хороший бизнесмен обо всем подумает, с улыбкой подумала жена. А хорошая хозяйка всегда готова к приему гостей. Покачиваясь на высоких каблуках, она пошла отпирать резную дверь в испанском стиле. Мистер Клоппер забежал в туалет и снова вышел через кухню. Она тем временем поставила на стол блюдо с домашним глазированным печеньем на любой вкус – хоть английский, хоть какой.

Водрузив на стол чайник и расставив на вышитой крестиком скатерти чашки, миссис Наас явственно ощутила запах чужих тел, идущий от парадной двери и пробивавшийся сквозь хвойный аромат освежителя воздуха. В доме не было прислуги – три раза в неделю жена садовника приходила делать уборку, а прачка работала в специальном флигеле, – так что она сразу чувствовала, когда в ее «милом доме» появлялись посторонние.

Среди доносившихся с террасы голосов один был голос Нааса, говорившего по-английски с типичным акцентом африканера, отчего – подумалось ей – этот язык звучал мягче, добрее. Потом наступила пауза – видно гости, застенчиво улыбаясь, обдумывали информацию.

Стоило ей появиться в дверях, как молодой человек встал, чтобы взять у нее поднос. Ну точно – застенчивый! Вежливый, хорошо воспитанный.

В церемонии знакомства произошла заминка: Наас не был уверен, что правильно расслышал фамилию потенциальных клиентов, и жена тотчас пришла ему на выручку. Она приветливо обратилась к молодой женщине:

– Будьте любезны, повторите ваше имя.

Ответил молодой человек:

– Анна.

Миссис Наас засмеялась.

– Анна... Красивое бурское имя. А фамилия?

– Чарльз Россер, – представился он и поискал глазами, куда поставить поднос. Мисс Наас подвела его к кофейному столику и убрала вазу с цветами.

– Как вы любите, миссис Россер, – с молоком или с сахаром? У меня еще есть лимоны из собственного сада...

Молодая женщина не стала дожидаться, чтобы ее обслужили, – вот что значит хорошее воспитание! Она поднялась и подошла помочь хозяйке – долговязая, и до чего ж худая! Вон, тазовые кости проступают сквозь жатый индийский ситец – в таких юбках нынче щеголяют все девушки. Помимо очков, лицо Анны Россер немного портил длинный нос – если бы не это, ее можно было бы назвать привлекательной. Она почти не пользовалась косметикой – только чуть-чуть подсинила веки. Кожа на лбу натянулась из-за связанных в тугой пучок прямых светлых волос.

– Хлопотное это дело – покупать недвижимость, – Наас знал все английские слова, относящиеся к делу, и никогда не говорил «дом», если существовал профессиональный термин. – Совершенно изматывает.

Молодой человек сделал глоток и улыбнулся хозяйке.

- У вас тут уютно.
- Еще бы! – воскликнула миссис Наас. – Когда я выбираюсь в город... можете мне поверить, по возвращении домой я буквально с ног валюсь. Вот почему мы обосновались здесь. Я сказала мужу: скоро там вообще ничего не будет, кроме машин, машин и мотоциклов...
- Причем это было сказано пятнадцать лет назад! – подхватил муж. – Теперь там и подавно дурдом. По выходным наезжают на автобусах банту со всей округи. Оберточную бумагу и пивные банки швыряют не глядя. Вы мудро поступаете, что подыскиваете что-нибудь подальше – не слишком далеко, так как хозяйке нужно ездить в супермаркет и все такое прочее; не хочется быть уж совсем отрезанными от...
- Я никогда не чувствую себя отрезанной! – подхватила миссис Наас. – Здесь так спокойно – и всегда есть чем заняться!
- Мы хотим взглянуть на усадьбу Клейнхена, – сообщил мистер Клоппер таким тоном, будто еще не говорил ей об этом.
- Правда? А я думала, вы как раз оттуда...
- Сейчас поедem. Просто я подумал: раз уж мы едем мимо, почему не заскочить домой, выпить по чашечке чаю?
- Там сейчас кто-нибудь живет?
- Нет, только старый слуга присматривает за садом.
- Ведя разговор на английском, хозяева чувствовали себя персонажами какого-нибудь телесериала. Молодая пара больше помалкивала, совсем как внуки Клопперов, когда приезжали погостить – и почти все время торчали перед телевизором.
- Можно я себе еще налью? – стоя рядом с чашкой в руке, молодой человек напомнил ей – нет, не Доуи, тот унаследовал карие глаза Нааса и совсем ничего – по ее линии, а Германа, сына ее сестры Мими. Такая же блестящая светлая борода, придающая ему мужественность. Небольшой розовый нос. И розовые губы – обветренные, как у мальчишки.
- Конечно, конечно! Берите еще печенье, не стесняйтесь! И вы, миссис Россер! В кухне еще целое блюдо. Все время забываю, что дети разъехались, – пеку больше чем нужно...
- Девушка наконец-то улыбнулась.
- Спасибо, я возьму галету.
- Рада, что вам нравятся мои галеты – это старинный семейный рецепт. Не сомневаюсь, усадьба Клейнхена придется вам по душе, мне лично там всегда нравилось. Наас – говорю, бывало, мужу, – вот где нам следовало бы поселиться! Конечно, здесь у нас чудесный дом, но он стал велик для нас двоих. Столько работы... и все на мне! Не выношу, когда в доме чужие люди. Не по мне это – запирать буфет с сахаром и чаем; лучше уж я буду все делать сама. Терпеть не могу, когда посторонние за спиной...
- Ну, здесь бояться нечего, – поспешил Наас исправить ее оплошность.
- Конечно, конечно, здесь совершенно безопасно. Я по целым дням одна, только собака во дворе, и то старая – вон, даже не шелохнулась, когда вы приехали. Бедняжка! Здесь тихо, не то что по другую сторону от города. Там не то что водопроводный шланг – даже забор унесут – все, что угодно! Но здесь... вас никто не побеспокоит.
- Молодой человек все еще сомневался.
- Далеко отсюда до ближайших соседей?
- Нет, недалеко. В трех-четырех километрах усадьба Рейнеке – сразу за

пустырем. Здесь есть небольшой пустырь, часть настоящего вельда³, сразу за южной границей нашего участка.

– А с других сторон?

Молодой человек переглянулся с женой, которая сидела, сдвинув колени под длинной юбкой. Чашку она поставила на колени и, кажется, не очень внимательно слушала.

Ее муж улыбнулся хозяевам.

– Нам бы не хотелось жить за городом – и страдать от шума.

Наас расхохотался и, уперев руки в колени, доверительно наклонился вперед. За многие годы у него выработалась система жестов для каждой стадии заключения сделки.

– Вы не услышите ничего, кроме птичьего пения.

* * *

Во второй половине дня в четверг четверо знаменитых врачей: патолог доктор Милтон Кэроу, специалист по челюстно-лицевой хирургии Грэм Фрейзер– Смит, гинеколог Артур Метус и хирург-ортопед Дольф ван Гельдер – сошлись для партии в гольф на площадке в Хаутоне.

Все эти медицинские светила имели ученые степени, полученные дома и за рубежом. Их не вызывали к больным в любое время суток, как простых практикующих врачей; а так как многие молодые медики эмигрировали в более благополучные страны – Америку, Канаду, Австралию, – больным ничего не оставалось, как выздоравливать (срок предварительной записи был не меньше трех месяцев) или попросту умирать – в этом случае вступало в силу принятое Ассоциацией медицинских работников правило: за любой, даже несостоявшийся, ранее назначенный прием нужно платить.

В два часа дня великолепная четверка, издавна состоящая членами Хьютонского клуба, явилась на заранее – примерно за такой же срок – назначенную встречу по гольфу.

В тот день Фрейзер-Смит и ван Гельдер играли на редкость слаженно, зато Метус то и дело подводил Кэроу, и это служил источником веселья для всей компании. Ибо таков был стиль их общения – добродушное подтрунивание. Без ошибок было бы не над чем подтрунивать. Однако героем дня стал не Метус, прозванный за неуклюжесть «руки-крюки», а Фрейзер-Смит, неожиданно пославший мяч в гущу окружающих поле для гольфа деревьев.

Ван Гельдер застонал от досады. Фрейзер-Смит разразился проклятиями в собственный адрес, что еще больше развеселило Кэроу с Метусом. Потом Кэроу, запомнивший то место, куда полетел мяч, в самом добром расположении духа направился вместе с близоруким Фрейзер-Смитом в сторону деревьев.

– С какой стороны куста? Здесь? Сроду не найду этот поганый мяч. – Тридцать лет назад, на стажировке в больнице Гая в Лондоне, он набрался английских ругательств и с тех пор не упускал ни единой возможности попрактиковаться.

Ни высокая должность в клинике Мейо, ни постоянное участие в качестве почетного члена в международных конгрессах по судебной медицине не помешали Кэроу ответить с грубой простотой сына местечкового еврейского лавочника:

– Что, парень, хочешь, чтобы я заехал тебе по роже? Да вон же там, левее.

И вдруг в том месте, куда пялились оба крупных специалиста, кто-то – или

³ Вельд, или велд – плато, степь.

что-то, стоящее на четвереньках – выпрямилось во весь рост. Его силуэт мешали разглядеть очертания деревьев. Был момент, когда он и Фрейзер-Смит смотрели друг другу в глаза. И вдруг «оно» пустилось наутек, ломая кусты и ветки. Кэроу завопил – довольно по-дурацки, как он сам потом был вынужден признать:

– Эй! Эй!

– Значит так, – делился он впоследствии своими впечатлениями в клубе, не жалея красочных подробностей, – я было решил, что он поймал мяч старины Грэма, и хотел сказать большое спасибо, потому как мы с Метусом играли как пара клоунов и еще неизвестно, как бы выкрутились...

Фрейзер-Смит был уверен в том, что «оно» вскарабкалось на дерево, хотя когда великолепная четверка подошла поближе, там никого не оказалось. Метус заявил: если бы не газетная шумиха по поводу обезьяны, у них бы даже мысли не возникло, что это не какой-нибудь безработный негр из алкашей, что залезают в кусты, дабы хорошенько нализаться. Вот вам еще одна проблема для содержателей клубов: никакой забор не спасает ни от бродяг, ни от мусора, который они после себя оставляют. Под тем самым деревом, на котором Фрейзер– Смит якобы видел... там валялась целая куча пустых банок из-под пива... В общем, в газетах сообщалось об обезьяне, а мы видели... что-то большое, черное... да, у него еще был шрам... сами знаете, как трудно разглядеть физиономию черномазого в тени между листьями.

Кэроу пробормотал себе под нос:

– Негр присел облегчиться, только и всего...

Но Ван Гельдер твердо стоял на своем.

– Это был не человек. И не простая обезьяна. Павиан.

* * *

Молодые не очень-то много рассказали о себе в тот день, когда Наас Клоппер водил их по усадьбе Клейнхена. По своему опыту он знал: это плохой признак. Клиенты, которым недвижимость с первого взгляда западает в душу, ведут себя, как им кажется, очень хитро, скрывая свою заинтересованность за разными мелкими придирками, чтобы сбить цену. Хватаются за любой недостаток, относящийся к местоположению и постройке. В этом случае, считай, сделка у тебя в кармане. Молчание же означает, что недвижимость чем-то не устраивает клиента, или он обладает сверхъестественной способностью читать мысли, потому что, черт возьми, сам Наас, собаку съевший на этом бизнесе, никак не мог проговориться, что это неважная покупка.

Чего только он не делал: отбивал ладонью ритм, словно вбивая им в голову разные подробности, дергал неподатливые от долгого бездействия дверцы буфета, проводил большим пальцем по крашеным стенам под аккомпанемент собственной болтовни о вместимости кладовок и идеальной чистоте, и при этом страстно желал одного: взять за шкуру и вышвырнуть к такой-то матери людей, совершенно не дорожащих его временем.

Но выражение лица девушки было не таким, как у хозяек, которые заранее настроились воспрепятствовать заключению сделки. Наас знал, что в первую очередь интересуется женщин. Им нет дела до подгнивших водосточных труб или старой, ненадежной проводки. Главное – удобная кухня и будет ли их мебельный гарнитур хорошо выглядеть на террасе. Когда он демонстрировал застекленную веранду, из которой выйдет отличная комната для шитья или детская («Но у вас, кажется, нет мелюзги?» – «Нет»), она внимательно слушала и в полном соответствии с его инструкциями, водила по сторонам глазами, спрятанными за большими круглыми очками.

– Гостиная, – продолжал бубнить Наас, – получилась весьма своеобразной: две маленьких комнатки соединили в одну, в результате одна половина потолка оказалась украшена штампованной освинцованной чеканкой, а другая «осовременена» сосновой планкой и колесом от повозки, приспособленным под люстру.

Девушка улыбнулась, показывая ровные зубы, и медленно повела взглядом по комнате, поворачиваясь на пятках.

То же самое – с ее мужем. Естественно, его интересовали дворовые постройки. Большой сдвоенный сарай вполне мог послужить гаражом для двух машин. Захламлен, конечно – а чего можно ожидать, если там давно никто не живет, только иногда ночует старый слуга Клейнхена? Но мы все это уберем, нет проблем.

Наас кликнул старика, но флигель, где ему временно позволили жить, был заперт на висячий замок.

– Куда-то умотал. Как ни приду, его нет – это он так присматривает за усадьбой. Ну, а теперь... Я хотел показать вам флигель изнутри, но какая разница? Комната как комната... Может, вы тоже не захотите никого нанимать, как миссис Клоппер, будете управляться сами? Тем более что вы приезжие...

Мистер Россер спросил, велика ли комната во флигеле и нет ли в сарае еще какой-нибудь кладовки.

– Э... как я уже сказал, там всего одно помещение, хотя и не маленькое. Но можно поставить перегородку... хотите, я подошлю вам расторопных ребят? Это обойдется недорого. Да, еще свинарники – одно время Клейнхены держали свиней. Почистить их – плевое дело. Кстати, дружище, если в Англии у вас была ферма, вы же наверняка умеете работать руками, а? Привыкли что-нибудь ремонтировать? Ясно, не без этого! Да и рабочая сила в здешних местах – дешевле некуда. Знаете что, – он лукаво склонил голову набок, – вы с женой говорите по-английски не так, как прибывшие из Англии. Скорее как местные.

Жена посмотрела на мужа. На этот раз уже не он, а она ответила за него:

– Ну... да. Видите ли, мы на самом деле из Австралии. Австралийцы говорят по-английски так же, как большинство в Южной Африке.

Муж кивком подтвердил ее слова.

– Мы просто некоторое время жили в Англии.

– Так я и подумал. Я сказал себе: если они англичане, то из какого-то незнакомого мне графства, – Наас почувствовал, что контакт с молодой четой наконец-то налаживается. – Австралия – это хорошо. Прекрасная страна. Похожа на нашу. Только без наших проблем, – тут он позволил себе сделать паузу и покачать головой. – Между овцеводами наших двух стран идет энергичный обмен опытом. В прошлом году мой свояк принимал у себя австралийских фермеров. Даже заказал им племенного барана. За шесть тысяч австралийских долларов. Куча денег! Зато какое животное! Вы бы посмотрели!.. Кра-сав-чик!

Вернувшись в дом, муж и жена ничего не сказали о разбитой крышке туалетного бачка, и Наас в порыве великодушия сам привлек к этому их внимание.

– Я вам достану новый – по дешевке. Здесь есть еврей, торговец сантехникой, он всегда рад меня уважить. Все, что понадобится в этой области – только скажите.

И наконец в саду (Наас водил туда клиентов только после осмотра дома: запущенный сад кого угодно оттолкнет) он почувствовал, что интерес молодой пары растет. Они обошли дом со всех сторон. Сказать по совести, вид был не ахти. Если не считать невысокий холм позади дома – один только голый вельд. Клейнхену нравилось жить в уединении на этом скудном клочке земли. В последние годы он даже не сдавал, как раньше, сотки португальцам-овоцеводам. Если же говорить о саде, то от него почти ничего не осталось. Фруктовые деревья давным-давно срубили на дрова; гипсовая Белоснежка свалилась в высохший рыбный пруд.

Абсолютно ничего такого, чем можно похвастаться.

Наконец он нашел:

– А вон там – градирни электростанции.

Молодые вежливо проследили за направлением его руки.

Конечно, ему бы следовало насторожиться. Но усадьбу Клейнхена не так– то легко сбить с рук...

По возвращении в город, в его агентство, помощник, Джеффри Янсен принес всю необходимую документацию, Оказалось, что Россеры хотят арендовать недвижимость сроком на шесть месяцев, а там будет видно. Он подумал было, что у них нет денег, но муж решительно отверг это предположение.

– Видите ли, моя жена в положении и хочет какое-то время пожить за городом. Мало ли как все обернется.

Клоппер преисполнился отеческого участия.

– Тогда тем более самое время прочно обосноваться. Можно попробовать разводить кур, свиней... Или сдать землю в аренду.

Девушка стала выказывать признаки беспокойства – вероятно от смущения.

– Моя жена... У нее уже было несколько выкидышей. Если на этот раз ребенок родится, может, мы и захотим пустить корни. Если же опять не повезет... ее может потянуть обратно...

– В Австралию, – добавила она, глядя в сторону.

Усадьба Клейнхена числилась в реестре около трех лет. И не исключено, подумал Клоппер, что муж говорит правду – у них достаточно денег. Они внесли плату за аренду за шесть месяцев вперед. Так что с точки зрения наследницы Клейнхена, Матильды Бьюкс, терять нечего. Наас принял чек. Супруги не воспользовались своим правом и не потребовали, чтобы ко времени их переезда все было убрано. Энергичная молодежь предпочитает все делать сама. Он передал им, вместе с ключами, последний совет:

– Не верьте старику, бывшему слуге Клейнхена. Он явится к вам со всякими россказнями, но на самом деле я уже давно предупредил его: как только появится новый хозяин, он должен освободить помещение. Толку от него не ждите.

Молодые сразу же согласились. Муж высказал их первое и единственное пожелание:

– Пожалуйста, проследите, чтобы он съехал к концу недели. Нам бы не хотелось с ним сталкиваться.

– Нет проблем. Послушайте, если вам понадобится слуга, могу предложить моего садовника...

Молодая женщина рассеянно гладила пушистые серебряные лепестки засушенного цветка из букета, стоявшего на столе в кабинете Клоппера.

– Вы любите цветы? – оживился Наас. – Возьмите их себе. Жена еще сделает.

* * *

Павиан? Специалистов бушевали сомнения...

Хоть и не принято среди представителей медицинской профессии создавать вокруг себя шумиху (можно подумать, что хирург-ортопед уровня Дольфа ван Гельдера нуждается в рекламе!) и поэтому ван Гельдер отказался дать интервью толстой воскресной газете, журналисты сами состряпали историю из обрывочных сведений. Один посетил главу департамента антропологии и, записав его пространные объяснения на пленку, составил вполне удобоваримый отчет о происшествии, переведя с научного языка на общедоступный описание различий между человеком, человекообразным приматом и павианом. Девушки – выпускницы

факультета журналистики – откопали в ведомственной библиотеке таблицы, отражающие разные фазы превращения антропоида в гоминида, и схематические изображения человека на разных стадиях развития. За отсутствием фотографий газетчики удовольствовались сравнительными рисунками, тщательно затушевав гениталии человека (все-таки это была газета для семейного чтения), но оставив их нетронутыми у антропоида. Заголовок был такой: «УЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЕГО ПРИ ВСТРЕЧЕ?»

По авторитетному мнению профессора антропологии, обезьяноподобная особь, терроризирующая северные окраины города, вряд ли являлся павианом, вопреки выводам его уважаемого коллеги, доктора Дольфа ван Гельдера, сделанным на основании строения костей, о чем, в свою очередь, можно было судить по осанке и походке.

Дирекция Йоханнесбургского зоопарка во всеуслышание заявила о том, что у них не было пропаж среди представителей семейства обезьян, включая человекообразных. Они регулярно проверяют численность обитателей зоопарка и надежность предохранительных мер. Жителей престижных районов предупредили, что и павиан, и другие обезьяны представляют опасность для домашних животных, поэтому в вечернее и ночное время не следует выпускать во двор кошек и собак.

Поскольку газета выходила раз в неделю, прошла неделя, прежде чем читатели узнала о проведенном расследовании и сделанных выводах. Автор заметки «Порочен только человек» писал, что после сердечного приступа несколько лет назад ему посоветовали держать домашнего любимца, дабы снимать напряжение. Его мартышка, львиноподобный игрунок из Южной Америки, взяла под свою опеку двух кошек и стала им ну прямо как мать. Он настоятельно рекомендует лицам, страдающим заболеваниями сердечно–сосудистой системы, не слушать тех, кто толкует об опасности, якобы исходящей от домашних любимцев.

В другой заметке, «С меня довольно», некая дама обратилась к человекообразной обезьяне или павиану с просьбой избавить ее от соседской собаки, лающей по ночам, отчего у ее дочери на нервной почве развилось патологическое отвращение к пище. Богатый турист Говард Баттерфилд поделился впечатлениями «от вашей замечательной страны» – вплоть до того момента, как на них с женой было совершено нападение возле отеля «Мулен–руж» в Хилброу. Он хочет воспользоваться любезностью «вашей замечательной газеты», чтобы передать чернокожему мерзавцу, который, прежде чем вырвать у его жены сумочку, ударил ее по лицу, и сломал зубной протез, из-за чего у них пропал замечательный отпуск, – что он (мерзавец) есть не что иное, как дикая обезьяна.

* * *

Миссис Наас Клоппер возвращалась от своей сестры Мими, живущей в Претории. У нее был свой автомобиль, естественно дамский – симпатичная зеленая «тойота». По дороге она сделала крюк, чтобы посетить усадьбу Клейнхена.

В последний раз она была там четыре или пять лет назад, перед смертью хозяина. Там был настоящий бардак... как-то ребята справляются?..

По старой, уходящей корнями в детство, привычке хвастаться обновками, они с сестрой принарядились для встречи, и теперь, когда она вышла из машины, подметки ее новехоньких босоножек на шпильке, со шнуровкой до щиколотки, предательски заскрипели на каменных плитах подъездной дорожки. Чтобы удержать равновесие, она широко расставила ноги и склонилась над багажником – достать гостинец.

Из-за дома вышла Анна Россер – должно быть, слышала шум автомобиля.

Миссис Наас двинулась ей навстречу по траве, гордо перебирая ногами

опутанными сложным узором из узеньких желтых ремешков. На массивной груди победоносно сверкала золотая цепочка, отчетливо выделяясь на материи в синий горошек. Девушка не сразу и с трудом узнала ее лицо, виденное всего один раз, к тому же без косметики. Перед собой гостя несла, как барабан на параде, большую жестяную коробку с галетами.

Миссис Наас застигла ее за какой-то черновой работой по хозяйству – еще бы, переезд! Тусклые светлые волосы, на этот раз не стянутые резинкой, были заколоты за ушами и липли к потной шее. Грудь (миссис Наас не могла лишний раз не подивиться: зачем только современные девушки не носят бюстгалтеров?) были сплюснуты тесной майкой, на ногах – шлепанцы. Единственной данью женственности, которую гостя не преминула подметить, были большие индийские серьги в виде обручей – им тотчас отозвались тихим звоном сережки миссис Наас с фальшивыми жемчужинами.

– Я не буду заходить в дом – представляю, что там творится. Просто решила завезти кое-что из моей выпечки – вроде бы она пришлась вам по вкусу.

Девушка взяла жестянку, на которой была нарисована белокурая девчушка с щенком и букетом белых роз, и смущенно пробормотала приличествующие случаю слова благодарности.

– А, пустяки, я вечно что-нибудь пеку и отвожу сестре в Преторию. В нашей семье считается: дорог не тот подарок, что куплен за деньги, а тот, что сделал ты сам, своими руками, вложив душу. Даже если это всего-навсего печенье... У вас все в порядке?

– О да, все прекрасно, спасибо...

Миссис Наас с трудом удерживала равновесие: высокие тонкие каблуки все глубже вонзались в землю. Эти зеленые пятна теперь не отчистишь.

– Ох, не говорите! Эти переезды! Я сказала Наасу раз и навсегда: что бы ни случилось, мы останемся в этом доме до самой смерти! Нет той силы, которая сдвинула бы с места весь тот скarb, что накопился с годами.

Нет, ну до чего все-таки стеснительна эта девушка! А говорят, австралийцы общительны, как африканеры.

Девушка ответила скупой улыбкой.

– Слава богу, у нас мало вещей.

– Уже все доставили?

– Да, осталось разобрать несколько ящиков.

– Распаковать-то – сущие пустяки, вот найти для каждой вещи подходящее место... Хорошо, что этот дом довольно просторен...

Из-за дома, со двора, вышел чернокожий парень – видимо, хотел обратиться к хозяйке за инструкциями, но, увидав белую даму, не подошел, а постоял немного с молотком в руке и решил не мешать.

– Ах, так вам все-таки кто-то помогает! Это хорошо. Надеюсь, дорогая, вы не взяли человека с улицы? Шляются тут всякие – якобы в поисках работы, а на самом деле это воры. Нужно быть очень осторожными.

Похоже, на девушку это произвело сильное впечатление.

– Нет-нет, мы осторожны.

– Вам его кто-то рекомендовал?

– Н-нет... То есть да, только не здесь – в городе. Кто-то из друзей. У него были рекомендательные письма.

Прижав жестянку к груди, она проводила миссис Наас до машины. Всю дорогу гостя не закрывала рта.

– Ну, в саду-то ему хватит работы. Взять хотя бы беседку – стыд-позор, она была такая красивая! Но попомните мои слова: лозы еще пустят побеги – после того как уберут весь мусор... Только ни в коем случае сами не копайте и... все такое

прочее. Вы хорошо себя чувствуете?

Девушка смутилась, но потом отбросила стеснительность и засмеялась.

– По утрам тошнит?

– Нет, нет, никакого токсикоза, все нормально.

Миссис Наас было ясно: молодая будущая мать, ожидающая первенца в незнакомой стране, нуждается в советах мудрой и опытной женщины. Ее крупное тело, выносившее Доуи, Эндриса, Алетту и Клейна Долфи, напряглось под тесной одеждой. Но никогда ему больше не устремиться за пределы одежды!..

– Знаете, что я вам скажу: это – лучшая пора вашей жизни. Первая беременность не повторяется... никогда... – она быстро села в машину и сорвалась с места, прежде чем новая соседка заметит слезы у нее на глазах.

Молодая женщина вернулась во двор.

Там ее ждал чернокожий, напряженно вглядываясь в ту сторону, откуда она должна была появиться.

– Все в порядке?

– Да, разумеется.

– Что ей было нужно?

– Ничего. Она привезла угощение – галеты домашней выпечки. Это жена торговца участками, того самого, который организовал для нас эту сделку. Они пригласили нас к чаю в первый день приезда.

– И только за этим она приперлась?

– Да, только за этим. Разве у вас не принято угощать новоселов? – спросила она и тотчас спохватилась. Каковы бы ни были обычаи его народа – а, видит бог, чернокожие славятся своим гостеприимством (как, впрочем, и нищетой), сам он уже много лет не имел того, что называют домом, а его «соседями» в лагерях были такие же заключенные... Девушка виновато улыбнулась, словно извиняясь за свою буржуазную наивность.

– В общем, причин для беспокойства нет. Да они и не соседи в полном смысле слова...

Она повела подбородком из стороны в сторону, обозревая уединенную местность.

В чем-чем, а в незнании своего дела и неудачном выборе места упрекнуть молодую супружескую пару было нельзя. Никак нельзя! Лучшего невозможно представить.

– И часто она теперь будет сюда таскаться? Что она подумает обо мне? Наверное, не нужно было выходить в сад...

– Нет, нет, Вуси, все в порядке. Ничего она не подумает. Это даже хорошо, что миссис Клоппер тебя видела. Она сразу решила, что мы наняли тебя для работы в саду.

– А если она увидит Эдди?

– Подумаешь – двое черных. Это все-таки ферма. Ведется строительство гаража... А кстати, где он?

– Спрятался в доме.

Девушка попыталась открыть коробку.

– Может, ты откроешь? У меня не получается.

Он отложил молоток и, сморщившись от усилия, подцепил крышку. Она отлетела и покатила по земле. Девушка засмеялась. Вуси поймал крышку и тоже развеселился.

– Ну и как это лакомство?

– Попробуй сам. Вкусно.

Они немного похрустели галетами. Внимание чернокожего постепенно переключилось на другое – то, что еще не произошло, но скоро произойдет. Он

остановил свой взгляд на вместительном сарае (будущем «гараже на две машины»), возле которого были свалены кирпичи, цемент и инструменты.

Девушка принялась энергично жевать, чтобы освободить рот для разговора.

– Нам придется смириться с тем, что время от времени здесь будут появляться посторонние – по разным поводам. Просто нужно быть готовыми. Пока они не зайдут в дом, опасности никакой.

Вуси посмотрел на валяющуюся поодаль ржавую цепь.

– Может, завести собаку? Чтобы предупреждала...

– Неплохая идея, – лицо молодой женщины вдруг некрасиво сморщилось, и она закончила с интонацией человека, которого одолевают сомнения: – А потом... когда все будет кончено... куда ее девать?

Он снисходительно посмотрел на нее. Все-таки она еще многого не понимает, даже несмотря на то, что очутилась здесь, с ними, по собственному желанию.

Белую пару предупредили, что приедут двое черных, но не сообщили подробностей – когда и как. Предполагалось, что ночью – так, как будто, безопаснее.

В первую же ночь они, подложив матрасы, спали на полу: она в кухне, а Чарльз – на веранде, рядом с парадным входом, чтобы не пропустить гостей, каким бы способом те ни проникли в дом. Чарльз спал как сурок; он мог засиживаться допоздна, но едва коснувшись головой подушки, отключался намертво, до утра. Девушка привыкла засыпать в половине одиннадцатого: где угодно и в любом положении – на собрании, в кино, на вечеринке, даже за рулем, – но моментально, точно в назначенное ей самой время, просыпалась по «внутреннему будильнику». На этот раз она дала себе команду спать исключительно чутко, реагируя на любой звук, будь то бульканье воды в кране, шорох на чердаке (мыши, что ли?) или слабое кошачье мяуканье.

Они прибыли на четвертые сутки, во второй половине дня. Прикатили на грузовике с просевшим кузовом, в каких мелкие торговцы из негритянских поселков по обе стороны границы со Свазилендом, Лесото и Ботсваной перевозят дрова, утиль, скотину и рабочую силу. В открытом кузове грузовика ехали женщины и дети, прикрывая платками рты от пыли. Из кабины выпрыгнул молодой парень и открыл покосившиеся ворота с табличкой: «Участок № 185». Чарльз был во дворе и тотчас поспешил навстречу. Молодой человек жевал резинку и не перестал даже тогда, когда к нему подошел хозяин участка.

– Чарльз, – представился тот.

Они обменялись несколькими условленными фразами. Процедура знакомства шла как по маслу. К тому времени на участок уже завезли стройматериалы – Чарльз пошел впереди грузовика, показывая место. Уже во дворе из кабины вылез второй чернокожий. Женщины сбросили ему из кузова две застегнутых на молнию дорожные сумки и мятый хлопчатобумажный рюкзак. Вот и все их пожитки.

Утомленные пылью и зноем, пассажиры немного оживились лишь тогда, когда грузовик тронулся с места.

Новоприбывшие не сообщили хозяевам усадьбы ничего, кроме своих имен. Того, кто первым выпрыгнул из кабины и открыл ворота, звали Эдди, а другого, оставшегося в кабине рядом с водителем, – Вуси. Девушка представилась как Джой. Один из парней спросил, нет ли чего-нибудь пожевать. Джой с Чарльзом засуетились и почему-то вдруг сделались крайне неловкими: они все время сталкивались, мешая друг другу и не находя то сахар, то нож для резки помидоров, то сковородку, чтобы пожарить колбасу. Ролевые инструкции, пригодные для общего дела, предусмотревшие любую мелочь, в обычной бытовой ситуации не действовали, точно так же, как и общепринятые правила поведения в ситуации «неожиданный приезд гостей»: чернокожие не были гостями, а они – хозяевами. Да и приезд был запланирован заранее.

Когда зашла речь о ночлеге, парни, решив, что белые спят вместе, отнесли вещи в свободную спальню, гораздо меньших размеров и без мебели, если не считать пары матрасов на полу, разделенных большим старинным чемоданом – на него поставили лампу для чтения.

В дорожных сумках у каждого оказались сменные джинсы, пара маек с видами Карибского моря и книги. Кроме того, у Эдди была шикарная куртка под замшу с бахромой как у индейцев (стиль Дикого Запада). Потом, когда они поближе познакомились, остальные начали подшучивать над Эдди, но тот не растерялся:

– Только я не собираюсь исчезать с лица земли.

Из рюкзака с наклеенным сверху портретом какой-то поп-звезды, гости извлекли несколько буханок хлеба и литровых пластмассовых бутылок с прохладительным напитком. А еще – плэйер, запасные кроссовки и пустую пластиковую папку для документов. Остальным их должен был снабдить Чарльз. В связи с чем ему срочно доставили «комби» со шторками на окнах – весьма удобное приспособление для семейных поездок фермеров, чьим детям ничто не мешало спать всю дорогу. Опять же, не видно, есть в машине кто-нибудь кроме водителя или нет. Однажды на перекрестке Чарльз очутился рядом с «мерседесом» мистера и мисс Наас Клоппер. Он улыбнулся и дружески помахал им рукой.

* * *

Они побывали во всех трех роскошных отелях в окрестностях Йоханнесбурга. Останавливались в дешевых мотелях, где вероятность столкнуться с людьми их круга была минимальной. Но дорога отнимала столько времени, что им удавалось побыть вместе только несколько послеобеденных часов. К тому же его мучило ощущение нечистоты: чрезмерно накрахмаленные в прачечной простыни наводили на мысль о чужом сексе. Ему становилось все труднее преодолевать брезгливость, и он сказал ей об этом.

Она ответила: ей все равно: были бы рядом он сам и какая-нибудь кровать. Вероятно, это было ошибкой, но с ним ей не хотелось прибегать к обычным женским уловкам, внушая мужчине, будто он нуждается в ней больше, чем она в нем. «Ты мой первый и последний возлюбленный», – сказала она и не обиделась, не услышав в ответ заверений в том, будто с ним еще не случилось ничего подобного... и не случится. Его немного тяготила такая щедрость и сила чувств. Что будет, если муж все узнает и разведется с ней?

Его жена была в отъезде, в Европе, огромный дом в конце улицы практически пустовал; утопая среди деревьев. Но уединение в пригороде – вещь относительная. В доме живет слуга, а на лужайке вечно возится садовник со своей газонокосилкой. Слуги все видят и ничего не забывают! Он страдал от невозможности привести любимую женщину домой и обладать ею на своей кровати. Даже если под каким-либо предлогом удалить слуг на весь день из дома, потом, при смене постельного белья или чистке ковров, они непременно наткнутся на подозрительное пятнышко или волосок незнакомого цвета. Вот так и получается, что собственный дом, собственная комната, даже собственная кровать – все, за что ты платишь из своего кармана, – тебе не принадлежат, если ты женат.

* * *

Ах, к каким легкомысленным поступкам приводит необходимость откладывать наслаждение! (Интересно, знал ли об этом Фрейд?) С трудом передвигая ватные ноги,

он поспешно отошел от столика администратора загородного отеля, не успев справиться насчет свободного номера и утреннего завтрака. Они всегда заказывали завтрак и платили вперед, хотя уезжали в тот же вечер.

Потрясение было слишком велико. Там, в холле, он увидел только что вышедших из ресторана и направляющихся в его сторону знакомых – бизнесмена и журналиста.

С грехом пополам добравшись до стоянки, он велел сидящей за рулем женщине немедленно трогаться с места. Но куда ехать? Некуда. А возбуждение никогда еще не было таким сильным! Они не отваживались разговаривать или прикасаться друг к другу. Солнце палило немилосердно.

Наконец она свернула на дорогу, ведущую в заброшенный карьер. Там, отгородившись от проносящихся по шоссе машин горами песка, в котором давно уже не было ни крупинки золота, она сняла с себя жалкий клочок нейлона пополам с шелком, расстегнула его красивые хлопчатобумажные брюки итальянского производства и, укрыв оголенные части тела юбкой, насадила себя на мужчину. В своей нарядной одежде они были похожи на прекрасных бабочек, спаривающихся в летнем саду.

Потом, когда все было кончено и он застегнул брюки, его поразил ее вид: губы распухли, на скулах выступили алые пятна, волосы за ушами прилипли к потной шее.

В машине! Новой, только месяц назад подаренной ей мужем после того как сверхъестественное чутье подсказало ему, что он уже не может удовлетворить ее другим способом. У нее тоже не было ничего своего – за все платил муж.

Она с трудом разлепила губы:

– В детстве я часто просила разрешить мне покататься в карьере. Но они так и не разрешили.

Он понял: пора прибегнуть к помощи приятеля – которого, кстати, тоже подозревали в связях на стороне. У приятеля, на одном из принадлежащих ему участков, пустовал коттедж. Там, в окружении конюшен бывшей школы верховой езды, любовники могли, не поступаясь достоинством, утолить свой сексуальный голод, а также потребность в нежности и доверительной дружбе. Коттеджем пользовались исключительно люди их круга. К их услугам были холодильник и виски со льдом. Иногда она привозила только что срезанную розу и ставила в хрустальную вазу. Он уже не помнил, когда последний раз читал стихи – кажется, в школе. Она привезла старую книгу со своей девичьей фамилией на титульной странице и прочла ему несколько стихотворений Пабло Неруды. Потом они уснули, а проснувшись, решили еще раз насладиться друг другом прежде чем расстаться. После того случая с отелем они ездили каждый на своей машине.

Потом они лежали, голые, счастливые и беззаботные, хотя оставалось всего полчаса до расставания (по уговору им принадлежало время от трех до шести); она лениво ласкала маленький, безобидный комочек его плоти. И вдруг они услышали, как кто-то скребется в круглое окно над кроватью. Он сел. Потом вскочил на кровать и посмотрел в окно. Она уткнулась лицом в подушку. Послышался громкий стук, словно кто-то прыгнул на землю, потом шарканье и шелест раздвигаемых кустов. Резко качнулся и хлестнул по стеклу побег старой бугенвиллии. За окном никого не было.

Он бережно повернул ее на спину.

– Все в порядке.

– Она организовала за тобой слежку?

– Не говори глупости.

– Нет, точно. Ты его видел? Это белый?

Мужчина начал одеваться.

– Не уходи, милый. Ради всего святого! Пусть сначала он уберется отсюда.

Уже в рубашке и брюках, он сел на кровать.

В отдалении послышался звук отъезжающей машины.
– Наверное, он пробрался через кустарник. От шоссе.
Ее любовник упорно молчал, уйдя с головой в свои мысли.
– И вскарабкался по бугенвиллии, – сказала она и вздрогнула.
– Может, одичавшая кошка? Они вечно шныряют у конюшен.
– О нет, – она натянула легкое одеяло себе до подмышек. Ей было трудно говорить. – Я слышала, как он хохотнул. Поэтому и зарылась лицом в подушку.

Он нежно погладил ее по руке, словно не допуская мысли о том, что над ними можно смеяться.

Спустя некоторое время она оделась, и они вышли на улицу. По бугенвиллии действительно можно было добраться до окна спальни, но она же утыкана шипами! Может, то был не смешок, а стон? Так ему и надо, подонку!

Они не нашли следов обуви, хотя подошвы не могли не отпечататься на красно-бурой земле и опавшей листве. Зато, как рассудительно заметил мужчина, босые ноги могли и не оставить отпечатков. Неужели Любопытный Том из племени частных детективов снял туфли и не пожалел одежду – лишь бы выполнить свое гнусное задание?

Они обошли весь коттедж по периметру и даже осмотрели заброшенные конюшни. Никого. И никаких следов на заасфальтированных дорожках, куда ветер нанес немало песка. Только их собственные следы.

Путь к машинам лежал мимо буйных зарослей страстоцвета. Они еще раньше обратили внимание на кусты в блестящей кольчуге из маленьких жестких листочков, среди которых выделялись незрелые плоды. А на земле валялось множество таких же плодов – надкушенных и брошенных. Они подобрали несколько штук и тщательно обследовали. Только вконец изголодавшееся травоядное животное могло так ожесточенно и неразборчиво вонзять зубы в незрелую мякоть.

Мужчина первым нарушил молчание.

– Я не хотел тебе говорить, но я тоже слышал – только не смех, а что– то похожее на лай или кашель.

Вдруг она обняла его за талию и склонила голову ему на грудь. Еще секунда – и они оба расхохотались.

– Бедная обезьянка! Бедный голодный павиан! Повезло ему: мы никому не скажем, где он прячется.

Когда она села в свою машину, он привычно задержался возле дверцы, напоследок глядя на нее через окошко. К нежности примешалось любопытство.

– Тебя не коробит оттого что обезьяна видела, как мы занимались любовью?

Она ответила со всей честностью, которая помогала ей бороться с иллюзиями – иначе ей не выдержать, когда придет пора окончательно расстаться:

– Нет, не коробит. Абсолютно.

* * *

Пока Чарльз мотался по всей округе, выполняя заказы и временами по несколько суток не бывая дома, Вуси с Эдди возвели в сарае кирпичную стену. Девушка все время порывалась помочь, хотя ничего в этом не смыслила.

– Вы мне только покажите...

Наконец она научилась доводить цемент до нужной консистенции. Ее длинные худые руки с резко выделяющимися в изгибе локтя венами оказались сильнее, чем можно было предположить, и без труда крепили дверные рамы. Одно плохо: она никак не желала учиться готовить. Хотя мужчины предпочли бы, чтобы она готовила еду, а уж со стройработами они сами управятся. Она же считала, что,

проголодавшись, каждый может сварганить себе какое-нибудь нехитрое блюдо. Чарльз, во всяком случае, так и поступал, или они готовили вместе.

Может, у белых так заведено. А вот чернокожая женщина каждый день готовит для своего мужчины, для всех в доме. Джой тоже регулярно, раз в неделю, когда «комби» оказывался в ее распоряжении, ездила в город-спутник за продуктами, но привозила совсем не то что нужно. Йогурт, сыр, шелушенный рис, орехи и фрукты... Против фруктов они не возражали (Вуси так соскучился по абрикосам, что за один присест умял целую сумку), но колбаса, которую она привозила для них (сама она и Чарльз были вегетарианцами), никак не годилась на роль мяса. Эдди терпел, не желая ссориться, зато Вуси каждый вечер, когда они забирались в свою каморку, начинал ворчать:

– Ее же для этого здесь и держат. Каждый должен выполнять свою работу.

Однажды он не выдержал и попросил:

– Лапочка, купи мяса. Именно мяса, а не этой паршивой колбасы.

Эдди захихикал в знак согласия.

– И чего-нибудь из кукурузы. А то все рис да рис...

– О, мы с Чарльзом тоже любим кукурузную кашу. Я просто боялась – вы обидитесь: подумаете, что это специально для вас...

Все засмеялись – вместе с ней, над ней, Как сказал однажды Вуси в каморке на родном языке:

– Тоже мне партийная кличка – Джой⁴! Ни тебе телес настоящих, ни кокетства! Никакой радости для мужчины!

В то же время именно она спланивала этих мужчин с разным воспитанием и разным жизненным опытом. Благодаря ей их совместная жизнь как-то наладилась.

* * *

Чтобы навесить на переоборудованный сарай откидывающуюся вниз стальную гаражную дверь, потребовались усилия всех троих мужчин. Вверху дверь запиралась на висячий замок, дужка которого вставлялась в кольцо, намертво закрепленное в приготовленном Джой цементе.

Все четверо долго стояли, любясь своей работой. Чарльз положил руку девушке на плечо, а она в свою очередь, опустила ладонь на руку Вуси.

Эдди еще раз опустил дверь.

– Это напоминает мне дедушкин стол с откидной крышкой. Представляешь, Джой? А чем занимался твой дедушка?

– Он был мировым судьей. Отправлял людей за решетку.

– Ничего себе!

Здорово! У мирового судьи – и такая внучка!

Единственное, чего она никогда не забывала привозить из города, это пиво. Вся честная компания потребляла его в огромных количествах, и нижняя полка холодильника была завалена банками.

Чарльз сходил в дом за пивом. Они расселись перед сверкающей дверью новоявленного гаража. Вуси аккуратно открыл банки.

Пока сарай не был укреплен металлической дверью, все трофеи Чарльза складывали в доме. За несколько недель маленькая спальня с двумя матрасами на полу да чемоданом с лампой заполнилась вещами. Место хранения ключа от спальни было известно только Вуси – хотя, как Чарльз недоуменно сказал Джой, в

⁴ Joy – в переводе с английского «радость».

этом не было никакого смысла. Если полицейские нагрянут с обыском, им ничего не стоит взломать дверь.

По ночам Эдди и Вуси лежали в окружении всех этих вещей, точно в гробу. Эдди засыпал довольно быстро, в то время как Вуси, с наголо постриженной головой и маленькими хрящеватыми ушами на уровне скул, подолгу лежал без сна и мучился от невозможности курить. В обступающей его тьме витали видения – почти физические воплощения голода, к которому свелась вся его жизнь, жизнь его отца, деда и всех предков.

Он видел себя за школьной партой, с привычным урчанием в желудке. Видел отцов, дядьев и братьев, как они возвращались домой после многочасового стояния в очередях на бирже труда. Видел, как по распоряжению властей бульдозер сносит хибарку из досок и жести, где он появился на свет. Он вечно ходил босиком и нюхал клей, чтобы хоть так увидеть мир в розовом свете. Заочно получил диплом, чтобы вконец не опуститься.

На допросе он не назвал ни одного имени. Бросил свою девушку с ребенком на произвол судьбы, без малейшей надежды на возвращение.

Оружием, которое Чарльз привозил в сумках для гольфа, сыт не будешь. Дорогу не вымостишь магнитными минами, а гранаты не наденешь на руки и на ноги. Винтовка не заменит высшего образования, а ящики для хранения боеприпасов – не жилье для женщины и ребенка. Но все неутоленные потребности его народа, неведомо для других, воплотились для него в этих предметах. Орудиях смерти, а не жизни. Но именно они, как ничто и никогда в жизни, служили гарантией безопасности – ему и таким, как он.

Днем он обучал Эдди уходу за разными видами оружия. Вуси был гораздо опытнее и уже принимал участие в акциях устрашения. Он тщательно проверил детонаторы, часовые механизмы и качество боеприпасов. Обсудил с Чарльзом достоинства и недостатки каждого вида оружия, каждой марки. Чарльз прошел службу в Южно-Африканской армии и знал в этом толк.

После установки металлической двери они перенесли свое богатство в гараж. Перенесли ночью, стараясь не шуметь и не зажигая света.

* * *

Шимпанзе – твердили одни.

Обыкновенная мартышка – настаивали другие.

Зверь опять появился на лесистой окраине города, там, где Стэнли Доброу удалось его сфотографировать. Если можно назвать фотографией темное пятно среди сломанных веток.

В каждом богатом особняке были чернокожие слуги: преданные кухарки, которым разрешалось приводить на выходные внучат, садовники-ветераны, составляющие одно целое со сторожевыми псами, и наконец часто сменявшиеся молодые горничные. Эти отращивали длинные ногти, покрывали их ярко-красным лаком и дерзили остальным слугам словно давать понять, как страдает их гордость непризнанных или временно безработных топ-моделей от необходимости прислуживать белым. Есть разные формы сопротивления, не признаваемые ортодоксальной революционной стратегией.

Однажды вечером одна из этих девушек заявила, что, возвращаясь из кухни и пересекая двор, видела, как этот зверь выскочил из ее комнаты. От неожиданности она даже выронила эмалированную миску с ужином. Кухарка, прослужившая в доме двадцать один год, предположила, что это был ее ухажер – захотел проверить, не прячет ли она там соперника.

В ответ девчонка выпалила: если кухарке и старику-садовнику нравится жить в курятнике на заднем дворе, куда кто угодно может проникнуть, ограбить или убить вас и никто даже не заметит – а между тем белые устанавливают у себя на дверях и окнах такую сигнализацию, что стоит только дыхнуть на стекло, тут же завоет сирена; – если им нравится твердить как попугаи: «да-хозяин» и «да-хозяйка» в то время как рядом разгуливает это чудовище, способное откусить вам руку, то ее это не устраивает. Не видели, что ли, как белые прячутся в случае малейшей опасности, оставляя слуг на произвол судьбы?

Ей хватило наглости напомнить, что стряслось с кухаркиным братом, хотя эта пожилая женщина и без того не снимала траурной ленты с рукава формы, в которой провела всю свою жизнь. Ее брат работал сторожем в многоквартирном доме и по ночам сидел в подземном гараже – охранял машины жильцов. Его согревала от холода армейская шинель, а для защиты от грабителей ему выдали дубинку с тяжелым набалдашником. Зато у бандитов был пистолет, и они убили его выстрелом в живот, в то время как владельцы машин преспокойно дрыхли.

Среди слуг распространились слухи о пришельце. Или о привидении. Кто– то напомнил о том, как два года назад, в канун Рождества, на лужайке вашего дома, Софи, – он указал на служанку Доброу, – какой-то бедняга потерял ботинки, возвращаясь из кабака, а в День Подарков его нашли мертвым. Сказывали, будто он явился из Трансвааля. А вот теперь воскрес и хочет вернуться на свое место в общежитии, где жил, когда работал по контракту, хотя договор, к которому он вместо подписи приложил большой палец руки, уже давно истек.

* * *

Эдди предложил взять напрокат телевизор.

– Но Чарли, жук такой, только и знает что смеяться, – пожаловался он всей честной компании. И они тоже засмеялись.

Подготовительные работы были окончены, и для них наступил период ожидания. Чарльз регулярно привозил воскресные газеты. Вот и сейчас он только что закончил читать речь премьер-министра, который лез из кожи вон, говоря об уроках очередного эпизода необъявленной, однако непрекращающейся гражданской войны. Чарльз сидел, подпирая кулаками бородатое лицо, очень похожий на рассерженного льва.

– Хочешь насладиться зрелищем того как члены кабинета министров изощряются во лжи? Как вождей нации встречают салютом из двадцати одной пушки? Лучше походи и прополи кукурузу, если тебе делать нечего.

Кукуруза, посеянная стариком, который присматривал за усадьбой, буйно заколосилась на маленьком пятачке. Эдди так радовался, словно им самим предстояло убирать тугие початки.

Сидя на полу под люстрой из колеса, с розовым абажуром, похожим на карнавальную шляпу, Джой читала газету и машинально покусывала прядь волос. Вуси занял единственное кресло, а Эдди с Чарльзом устроились на диване «цвета соплей», который Джой терпеть не могла – и всякий раз, заходя в комнату, расправляла на нем импровизированное покрывало – кусок сине– фиолетового ситца с рисунком из ракушек.

Они лихорадочно обменивались газетами, изучая внешний мир, с которым долгое время не поддерживали никакой связи. Молча (один только Чарльз не удержался от комментариев) прочитали «примирительную», а на самом деле полную угроз, речь премьер-министра. «Правительство не будет пассивно наблюдать, как рушится мир в умонастроениях людей. Мы не позволим, чтобы покою ваших домов и

мирному сну ваших детей угрожали преступники, поставившие себя вне закона, рыщущие в темноте и постоянно готовые нанести удар. Мы не дадим вырвать кусок хлеба изо рта ваших домочадцев людям, стремящимся ввергнуть нацию в экономический хаос путем бойкота в так называемой Организации Объединенных наций и насилия – внутри страны. Я предупреждаю страны, имеющие с нами общие границы: мы предпочли бы жить с ними в добрососедстве: однако готовы нанести сокрушительный удар по любой стране, которая запятнает себя пособничеством подрывным элементам».

Обычно в ответ на подобную риторику они только усмехались, так как люди, именуемые подрывными элементами, были они сами и те, что находились рядом с ними, в той же комнате: пили воду, писали письма, стригли ногти... Иногда они позволяли себе едкую насмешку или – это обычно были Чарльз и Вуси – раздражались ответной риторикой, сотрясая воздух призывами к восстанию. Но с приближением начала активных действий надобность в идеологических спорах отпала.

– Аж поджилки трясутся, – процедил Вуси.

Джой подняла голову, словно сомневаясь – вопрос ли это и нужно ли отвечать.

Эдди шмыгнул носом и с безразличным видом задрал голову, как будто переадресовывая вопрос высокопоставленным должностным лицам, позволяющим себе делать подобные заявления.

То была своеобразная проверка, напоминание об опасности, таящейся в мирной, напоенной зноем и жужжанием мух, убаюкивающей атмосфере гостиной. Своим молчанием они ответили: не бойся, мы понимаем.

– Я не нахожу иного объяснения тому, что он до сих пор находится у власти, – развил Вуси свою мысль. – Нагнетание страха – вот все, на что они могут рассчитывать. После трехсот лет абсолютного господства. После смены стольких правительств! Это же просто призраки. А не люди.

– Ну так и что? – дернув бородкой, подхватил Чарльз. – Это лишь показывает власть страха – не коллапс власти.

– Вот именно. Иначе бы нас здесь не было, – нехстати ввернула Джой. Нехстати – потому что их пребывание здесь не требовало объяснений. Это подразумевалось само собой и не нуждалось в словах.

– «Если бы белые перестали бояться черных, это стало бы решением всех проблем»? – с усмешкой процитировал Эдди избитый лозунг либералов.

Чарльз с трудом подавил в себе желание огрызнуться: мол, они не нуждаются в уроках политэкономии и классовой борьбы.

– Черт возьми, старина! Неужели нам нужно доказывать друг другу, что они обречены? Конченные люди. И конченный режим.

Джой уловила за его горячностью страх обнаружить собственную нерешительность. Тем, кто занимается этой... деятельностью (она никак не могла заставить себя употребить слово «дело»), не следует заводить романы. Плохо, когда люди знают друг друга изнутри.

– Не беспокойся. Они нервничают, потому, что знают, кто им противостоит.

Когда Эдди высказывался высоким штилем, он напоминал себя прежнего – чернокожего подростка, для которого уличные потасовки стали одной бесконечной репетицией того, что им предстоит совершить.

– Они подписали себе смертный приговор, когда взяли первого раба.

Чтобы понять Вуси, нужно было послушать подобные изречения и посмотреть ему в лицо. Он привык разговаривать, не глядя на собеседника, но, как Джой однажды сказала Чарльзу (речь шла об эзотерике; вообще-то она избегала любых тем, отдалявших ее от Эдди и Вуси), у него были такие глаза, как у Филиппа IV на портрете Веласкеса: под каким углом ни смотри, наткнешься на этот пристальный

взгляд.

– Неважно, сколько нам еще здесь торчать. Они не остановят нас потому, что мы сами не можем остановиться. Каждый миг ожидания приближает нас к победе.

Зашелестели страницы – Эдди искал нужную заметку, чтобы проиллюстрировать свою мысль.

– Ввод в строй атомной электростанции в Кеберге снова откладывается. Что скажешь, Вуси?

– Да, я читал.

Джой с Чарльзом не знали, участвовал ли Вуси в нападении на атомную электростанцию на мысе Доброй Надежды в начале этого года, незадолго до ее запланированного открытия. Классическая акция – так об этом писали в газетах. Стратегический объект выведен из строя, разрушения огромны, человеческих жертв нет.

Интересно, знает ли о нем Эдди больше, чем они? Его реплика вроде бы говорила в пользу такого предположения. Он либо знал, либо сгорал от любопытства, надеясь хитростью и лестью вытянуть из товарища ответ на занимавший его вопрос. Однако Вуси не клюнул на удочку.

Эдди отступил.

Чарльз взял у него газету.

– А что говорит Комитет белых граждан Кейптауна? Кеберг всего лишь в тридцати километрах от города. Запросто доберешься на велосипеде. Представляете, что будет, когда она заработает? Но вы обратили внимание, как это подано? Они рассуждают о безопасности так, словно речь идет о гипотетическом ограблении ювелирного магазина, а не об объекте, на который уже было совершено успешное нападение?

– Никто не хочет попасть в тюрьму, – осторожно промолвила Джой.

Чарльз ответил ей ласковой улыбкой, однако настроен он был критически.

– Есть разные способы выражения мыслей. Журналист может сказать неугодное властям так, что и не придерешься. Но эти ребята из Комитета сидят, подложив под задницу талмуды с инструкциями... Да что я говорю... Чтобы действовать с умом, нужно как минимум иметь мозги.

– А с чего ты взял, что они этого хотят?

– Потому что это их работа! При всей разнице в убеждениях...

– Нет, старик, она права, – сказал Эдди. – Работая в газете, становишься частью системы. Если и были такие, кто противился, их попросту уволили.

– Представьте себе – кто-нибудь прочитает всю эту белиберду через несколько десятков лет – много ли он сможет понять? – пущенная рукой Вуси газета приземлилась на полу, где уже валялись остальные. – Прямо хоть переводчика нанимай, как в суде.

– В суде? – оживился Эдди и тотчас пустился лицедействовать:

– Бурный поток фраз на сесото. – Перевод на английский: «Он говорит, ему отшибло память, милорд». – Новое словоизвержение, с выразительными модуляциями, молниями из глаз и яростным мотанием головы. – «Он говорит “да”, милорд». – Длинный, нудный монолог, с кивками в знак согласия. – «Он говорит “нет”, милорд». – Продолжительная пантомима: ошарашенный черный свидетель, белый прокурор африкандер, обожающий длинные английские слова и не понимающий их значения, впрочем, как и чернокожий свидетель с переводчиком... – «Я спрашиваю: у вас амнезия? Он в ответ: я не знаком с женщиной по имени Амнезия. Я: у меня не укладывается в голове, как можно не помнить, был ли ты в тот вечер на месте преступления. Он: Я никогда не укладывал эту женщину в постель».

Всем стало смешно. Своим анекдотом Эдди дал им ключ к пониманию событий, обнажил главную причину – взаимное непонимание и отчуждение рас. Они вдруг

почувствовали себя счастливыми. Это было не маленькое личное счастье, а нечто более глубокое, не зависящее от обстоятельств. Все «обстоятельства» остались позади; все «естественные» страхи, взаимное недоверие, предрассудки и сомнения, обусловленные разным цветом кожи, – всё исчезло.

Кроме политики, в воскресных газетах не было ничего примечательного. Одна, предназначенная для чернокожих, пичкала читателей сообщениями о рядовых стычках в трущобах с применением первых попавшихся предметов. Скандал в футбольном клубе... Несколько человек отравились на свадьбе недоброкачественным пивом...

Газеты для белых – Чарльз привез их несколько штук, на двух языках – рассказывали о финансовом кризисе, скандальном разводе одного миллионера, об обезьяне, из-за которой горничная лишилась ужина и которую так и не удалось поймать...

Потом на них напала сонливость. Чарльз пробормотал во сне что-то нечленораздельное – совсем как Наас Клоппер в десяти километрах отсюда. Эдди вышел во двор, снял рубашку и уселся с плэйером на крыльцо, чтобы побаловаться кока-колой и послушать пленку с регги – так обычно отдыхали чернокожие работяги во времена его детства.

* * *

В радиопередаче «Поговорим о природе» какой-то чиновник порицал жестокость хозяев, выбрасывающих на улицу маленьких обезьянок, когда те вырастают и из удобных домашних питомцев превращаются в крупных животных.

Манелла Чепмен слушала и одновременно чистила сливы для варенья по рецепту свекрови. В эти выходные Чепмены впервые после свадьбы (пять месяцев назад) побывали на ферме родителей Мараиса и вернулись с полной сумкой свежесорванных слив и целой ногой оленя. Рано утром в понедельник, прежде чем отправиться на работу (он служил в полицейском управлении на площади Джона Вустера), муж вывесил ногу за окно в кухне, для чего пришлось прибить снаружи крючок.

Ровно в семь часов сержант Чепмен провел допрос одного из задержанных.

Расположенное в центре города, здание полицейского управления имело довольно приятный вид. Фасад, обитый голубыми панелями, горшки с цветами на окнах, выходящих на проезжую часть, – ни дать ни взять обычный многоквартирный дом. Камеры располагались в глубине здания.

Работа была трудной и требовала прежде всего внимания. Поди пойми что-нибудь по лицам этих людей, не говоря уже о том, чтобы вытянуть из них нужную информацию. Рукоприкладством он не занимался, разве что в особых случаях, по указке начальства, когда срочно требовалось заставить кого-то говорить. Вырвавшись на свободу, эти люди – главным образом белые, в чьем распоряжении были хорошие адвокаты и немалые деньги, поступающие от церквей и коммунистических организаций в заморских странах, – нередко подавали на государство в суд, и ты сам мог оказаться в роли обвиняемого. Тебя смешивали грязью на глазах у жены и родителей, не видевших от тебя ничего, кроме хорошего. Конечно, он мечтал о продвижении по службе, но не таким путем, – поэтому просто делал то, что ему говорили. И если дело доходило до суда, – прошу прощения, господа, я выполнял приказ майора, могу поклясться на Библии.

Неудивительно, что у некоторых арестантов в конце концов развязывался язык. Но и полицейским было не очень-то легко – допрашивать их по несколько раз в сутки, с короткими перерывами на отдых (чашка кофе, что-нибудь съестное и короткая

прогулка). Некоторых допрашивали по 24, 36 часов без перерыва, чуть ли не всем личным составом. Майор учил: главное – даже предлагая им сигарету или кофе, разрешая сесть, – не прекращать наблюдения, и они непременно выдадут себя. Это был один из основных постулатов их профессии: одна кратковременная задержка способна сломить волю самого стойкого революционера.

Еще майор учил не бояться, если почувствуешь к ним жалость, даже симпатию. В сущности, это – первый шаг к успеху.

Сказать по совести, сержант Чепмен не испытывал абсолютной никакой симпатии по отношению к невыспавшимся, небритым людям, от которых всегда, даже когда они дрожали на допросе, нестерпимо несло потом. Чепмена начинало тошнить – майор назвал его ощущения естественными, но неконструктивными.

И почему только этим людям не жилось, как всем остальным? Вот этот, например, с его светлой головой и университетским образованием, вполне мог стать большой шишкой в бизнесе, вместо того, чтобы в качестве профсоюзного лидера подстрекать черных к забастовке и доставлять ему, сержанту Чепмену, неприятности.

Перед допросом полагалось досконально изучить досье, вооружиться всеми сведениями, полученными от информаторов. У этого был состоятельный отец, жена-врач, дети-близнецы, связь с девушкой-студенткой (темой ее курсовой было профсоюзное движение) и богатые тесть с тещей, живущие в роскошном особняке в одном из лучших для рыбалки мест. Что еще нужно белому человеку? С черным понятно: он не может получить то, что хочет, вот и проводит полжизни за решеткой. А тут – целый набор удовольствий! Воскресным утречком идешь на запруду, где когда-то плавал мальчишкой, встречаешь по дороге деревенских парней из крааля, они приветствуют тебя, шутят, хвалят молодую жену... а на закате – вместе с отцом на охоту, подстрелить шакала... Что на них находит, на этих людей, какое затемнение в мозгу превращает их во врагов своей страны? Чокнутые! Неспособные наслаждаться своей жизнью, как всякий нормальный белый житель Южной Африки.

Он мог бы выпить прохладительного и перекусить в столовой на площади Джона Вустера, но в этот вечер ему предстояло допоздна, а может быть, и всю ночь на пару с майором допрашивать этого профсоюзного деятеля, и, как всегда в таких случаях, захотелось сменить обстановку. И он направился вниз по улице в китайский ресторан.

Названия у ресторана не было, а попадали туда через старый магазинчик. В ресторане всегда аппетитно пахло жареным и работал телевизор с полным набором каналов. Китаец и его жена двигались тихо и незаметно. Днем, когда у телестудий был перерыв, включали маленький приемник, и из него лились потоки рекламы на головы тех, с чьих лиц годы и заботы начисто стерли всякое выражение, так что они стали походить на обмылки. Эти завсегдатаи ресторана принадлежали к наднациональной гильдии торговцев, которые подгоняют свои повозки и фургоны с супом и спиртным поближе к месту происшествия, будь то разбомбленный город, лагерь для беженцев или стертый с лица земли поселок. Им было все равно кого кормить – пострадавших или захватчиков. Лишь бы вносили плату – и, надо сказать, весьма умеренную.

К счастью, всегда находятся люди, отказывающиеся лезть в чужие дела, готовые подать кофе или шнапс людям в сапогах, зашедшим выпить и перекусить после трудного дежурства. Видимо, китаец и его жена чувствовали себя в безопасности под опекой Площади Джона Вустера, где случалось то, о чем они предпочитали не знать; а может, их и пугало подобное соседство – тогда тем более лучше ничего не знать.

Хозяева ресторана не придавали, подобно другим, большого значения национальной символике типа панбархатных драконов или бубенчиков за окном. Зато на широкой полке у стены стоял цветной телевизор. Там поставили стулья для

зрителей – главным образом полицейских. Им разрешалось не заказывать обед или ужин – какой-нибудь пакетик чипсов и стакан прохладительного напитка давали право на просмотр. Хотя им не разрешалось во время кратковременного отдыха распивать спиртные напитки, а у хозяев не было лицензии на продажу, желающие всегда могли получить от молчаливого китайца бутылочку пива. Молодые полицейские, сыплющие шутками и комментариями к происходящему на экране, создавали уютный анклав; и другие посетители отогревались душой в приятной дружеской атмосфере. Сюда часто приходили с детьми, бабушками и дедушками на недорогой семейный ужин. Дети, переполненные восторгом и страхом от встречи с полицейскими, уплетали куриные ножки и пилились на блюстителей закона.

Сержант Чепмен узнал на пяточке перед телевизором знакомых ребят и подсел к ним. Из-за жары они поснимали и побросали под стулья форменные фуражки с кокардой. Шел какой-то старый фильм – экранизация французского романа, с кринолинами и пудренными париками, – дублированный на африкаанс. Фильм закончился дракой; засверкали шпаги...

– Смотрите, смотрите!..

– Да они не по-настоящему дерутся. Это же актеры. Вернее, даже дублеры.

– Ладно, я и не говорю, что по-настоящему, но все равно здорово! Рубиться в таком темпе – и ни разу не ранить друг друга!..

Потом выступал премьер-министр. Сидя за столом, обтянутым коричневой кожей, на фоне бархатного церемониального занавеса, он призывал нацию к примирению и в то же время грозил наступлением на всех фронтах. Между полицейскими вспыхнул спор о том, есть ли над его головой прожектор, а завсегдатаи ресторана жевали и внимательно слушали. С улицы вошли двое в штатском, в отлично пригнанных костюмах, чтобы купить еду на вынос. Они были явно довольны собой и, казалось, не замечали, что своей болтовней заглушают премьер-министра.

Сержант Чепмен воспользовался удобным случаем позвонить Манелле, хотя она и знала, что он допоздна задержится на работе, а то и вообще вернется только на следующий день. Он все еще испытывал потребность время от времени болтать с ней по телефону ни о чем, как во время ухаживания. Телефон был служебный, но для полицейских делали исключение.

На этот раз Манелла изменила своей обычной игривой манере – она была сильно взволнована, и он не сразу понял, плачет она или смеется.

Зайдя на кухню, чтобы сделать себе бутерброд с сыром – как многие женщины, миссис Чермен не любила готовить для себя одной, – она вдруг увидела, что кусок оленины за окном исчез. Взял и исчез! Она вышла во двор, посмотреть – может, он свалился с крюка, но и под окном его не оказалось.

– Слушай, старушка, я же крепил этот крюк на скорую руку...

– Да, но тогда он бы тоже упал на землю – так нет же, висит на месте. Я обошла весь двор...

– Вот это напрасно, я же тебе говорил. Вор мог запросто подкараулить тебя и всадить нож. Манелла, оставайся дома и никуда не выходи нынче вечером, никому не открывай.

– Но, Мараис, там действительно никого не было, ничего не случилось.

– Тебе просто повезло, что он успел уйти. Манелла, ты заставляешь меня волноваться. Кто только не шляется в округе, в том числе черные. Они могут знать, что по вечерам меня иногда не бывает дома.

– Нет, ты дослушай до конца. Буллер сорвался с поводка и сиганул через забор. И вдруг громко залаял. Я тоже спрыгнула на лужайку и увидела кость – мясо было содрано подчистую. Это, наверное, тот павиан, о котором пишут в газетах. Человек не смог бы так высоко залезть. Подумать только – как раз сегодня утром о нем

рассказывали по радио! Представляешь – осталась только голая кость! – она захихикала. – Бедный твой папа! Он с ума сойдет, если узнает, что мы отдали оленью ногу павиану. Надо будет сказать, что мы ее съели. Зато варенье получилось что надо, тебе понравится... Что-что я должна сделать? – позвонить в полицию? Ну, если ради этого тебя отпустят пораньше... пойду согрею постель...

Все это очень хорошо, но он взял с нее обещание закрыть на задвижки все окна. Обезьяны – умные животные, они умеют пользоваться руками, как люди. Могут даже воспользоваться рычагом, чтобы проникнуть в дом. Раз уж эта тварь так обнаглела...

Его распирало желание поделиться с приятелями.

– Слышали о беглом павиане? Так вот, он пробрался в наш двор и стащил сушившуюся за окном оленью ногу – мы привезли ее с фермы моего отца. Нынче утром я сам вывесил ее в форточку.

– Да ну тебя, Чепмен, с твоими рассказами. Какой-нибудь черный спер. Надо же было сделать такую глупость!

– Ничего подобного, это тот самый монстр. Собака взяла след, и жена обнаружила на лужайке обглоданную кость. Никакой черный не смог бы так ободрать ее зубами...

* * *

Нужно было создать видимость, будто участок обрабатывают. Разве не для этого здесь торчат чернокожие? Так что Эдди на законных основаниях принялся выпалывать сорняки. Вуси предпочитал отсиживаться дома. Обычно он устраивался в кресле и читал толстую книгу в мягком переплете, порыжевшую от климата и захватанную множеством рук. Книга называлась «Подземная Африка. История горнодобывающих компаний и отставание горной промышленности». Время от времени он делал пометки шариковой ручкой.

Иногда он начинал зевать и вздыхать – это служило верным признаком, что он вдруг встанет и скроется в задней комнате. Оттуда до нее доносилось звяканье мелких инструментов – Джой связывала это с теми вещами, что хранились в гараже. Сама она убивала время, изучая португальский язык, но кассеты остались дома, так что пришлось махнуть рукой на произношение и сделать упор на грамматику. Вуси мог бы помочь ей с немецким, но португальский!..

– Сколько ты там пробыл?

Он обучался в Западной Германии, уж это-то ей было известно.

– Два года и три месяца. Мы учились не по книжкам. Главное – чтобы люди поняли смысл... Ну а тебе на что португальский?

– Одно время мы с Чарльзом собирались в Мозамбик, – она откинула волосы за дужки очков. – Может, я еще и поеду. Стану преподавать...

– Что именно?

Она растерянно взглянула на него.

– Ну... Покамест негусто... Например, историю... Там у них новая система образования, хотелось бы познакомиться... как-нибудь потом.

Последними словами она дала понять, что не собирается дезертировать.

– Тебе там должно понравиться. А что Чарли – тоже студент?

– Был...

Вуси взял у нее учебник и попытался прочесть пару предложений. И усмехнулся над собой.

– Ты знаешь-португальский?

– А, всего лишь несколько слов. Я пробыл там пару месяцев, все вокруг говорили по-английски.

В конце концов ему удалось довольно сносно произнести пару предложений. Просто для развлечения.

– Вы на самом деле не расписаны? – любопытствовал он.

– Мы на самом деле... никто.

Должен ли он понимать это так, что между ней и Чарльзом нет интимной близости? Если так, можно задать следующий вопрос:

– Почему же тогда?..

– Просто для меня здесь не нашлось отдельной комнаты.

Он откинул голову на спинку стула и уставился на связки лука под потолком да оцинкованные завитушки, которые они чуть ли не каждый день машинально пересчитывали.

– Наши отношения прекратились пять месяцев назад. Просто сошли на нет

– и все. Но поскольку мы уже получили задание на двоих... это уже ничего не значило.

– Станный ты человек, – произнес Вуси с отстраненным восхищением. Она засмеялась.

– Ты удивляешься, потому что я женщина?

Вуси понял: она восприняла его восхищение как проявление дискриминации.

Он тактично отвел взгляд в сторону. И прибегнул к излюбленной крылатой фразе белых:

– Это за пределами моей компетенции.

Он встал, взял «Африку», потом положил обратно и вышел из комнаты.

Вернулся Чарли с ежедневной пробежки. Его обтянутый красно-синими спортивными шортами зад порядком намозолил глаза механикам, которые, обгоняя, оборачивались и дружески махали ему рукой в знак одобрения здорового образа жизни. Эдди начал мечтать о таком способе оздоровления еще пять лет назад в Соуэто, – но бег наравне с белыми мог вызвать подозрения.

Отдуваясь, точно набегавшийся щенок, лохматый и потный, Чарльз появился в гостиной как раз в тот момент, когда оттуда выходил Вуси, но все, что он мог предположить, это что о нем говорили в его отсутствие.

Раньше, стоило ей шутливо зажать себе нос двумя пальцами, как он спешил в душ, но теперь, когда она уже больше не имела прав на его тело, она только улыбнулась и вновь занялась будущим временем португальских глаголов. Он хотел пойти переодеться, но потребность постоянно следовать за ходом мыслей своих товарищей (при других обстоятельствах из него бы вышел хороший председатель Совета директоров или любого другого Совета) побудила Чарльза сунуть нос в книгу, оставленную Вуси на столе. Его особенно интересовали пометки.

Вдруг послышался визгливый звук, похожий на крик новорожденного, и в комнату вошел Вуси с каким-то инструментом в руке. Он прошел мимо Чарльза и, остановившись перед Джой, приложил эту штуку ко рту и начал перебирать пальцами кнопки. Зазвучала мелодия песни «Мечта моя, Джорджия» – на удивление странно и приятно.

Оказывается, все то время, что они изнывали от ожидания сигнала к проведению акции, Вуси мастерил саксофон.

Теперь понятно, зачем он собирал использованные консервные банки и крышки от банок с пивом! Из них получилась отличная изогнутая шейка саксофона.

Для других частей музыкального инструмента потребовался более прочный материал. Коробки из-под патроновгодились для изготовления клавишей. Он мастерил саксофон в гараже, где хранилось оружие, а испытывал в свинарнике.

Джой с Чарльзом пришли в восторг. Это была замечательная поделка и одновременно настоящий музыкальный инструмент.

Такие изделия, вспомнил Чарльз, в Европе находили в концлагерях,

превращенных затем в музеи. Созданные заключенными практически из ничего, эти предметы свидетельствовали о необыкновенной изобретательности мастеров, становясь символами любви и воли к жизни.

* * *

В городской художественной галерее хранится скульптурное изображение священной обезьяны. Очаровательная штучка, копия индийской статуэтки, сработанная венским художником из глазированной керамики. Зеленая, словно извлеченная из морских глубин, она красуется за стеклом, на стенде. В галерее очень мало изделий африканских мастеров – и ни одного изображения обезьяны с собачьей мордой из древнеегипетской мифологии – кинокефала, которого обычно изображают вместе с богом Тотом. Его изображения она видела в европейских музеях и всякий раз изумлялась сходству кинокефала с павианами, все еще широко распространенными в Южной Африке.

Набор флейт, торчащих из ванны с водой, – пальцы ног. Лицо, отраженное в сверкающей поверхности крана, превратилось в нелепую бутылку из тыквы... Лучше уж смотреть на это, чем на обезображенную болезнью нижнюю часть своего тела.

Она лежит в ванне, отдыхая. Никто из близких не говорил ей, что она умирает. Но почему тогда они вновь и вновь кружат поблизости, подобно тому, как лев возвращается в стадо, чтобы вонзить зубы в очередную жертву. Там выхватит грудь, там часть легкого, там лопатку...

Она лежит на спине и добросовестно массирует грудь. Соски, слава богу, не реагируют – ей претит эта вынужденная мастурбация, которую предписывают врачи для спасения жизни. Ее груди привыкли к мужским рукам и не реагируют на ее собственные.

Когда она лежит, ее живот выпирает, как у Левиафана.

В ванной нет зеркал, зато есть стеклянная стена, выходящая в маленький дворик, не больше вентиляционной шахты, где растут папоротники и другие тенелюбивые растения. Нужно отвлечься от себя – она делает над собой усилие и вдруг замечает: кто-то рассматривает ее из зеленых зарослей.

Женщина в ванне. Видящая то, что видит. Первым делом она подумала, что это голова античного существа.

Ничего подобного. Это настоящий павиан. «Любопытный Том», сбежавший из неволи и шныряющий по городским окраинам. Ей ничего не остается, как принять эту гипотезу. Потому что в противном случае это означало бы, что ей с пьяных глаз померещился пришелец из другого мира. Мужчина.

* * *

Неподалеку от сарая Эдди обнаружил странный помет, похожий на человеческие испражнения. На его зов сбежались остальные.

Усадьба Клейнхена расположена в безлюдном месте, если не считать проезжающие по шоссе машины, которым совершенно незачем останавливаться. До сих пор они чувствовали себя в безопасности от непрошеного вторжения.

И вдруг – эта тугая скрученная колбаска с торчащими из нее шерстью и жилами.

Чарльз взял ее голой рукой.

– Вы обратили внимание? Он поужинал кроликом. Шакал, наверное.

Джой нервно хихикнула.

– Прямо рядом с домом?

Вуси тоже усомнился.

– Для него же здесь нет никакой еды.

– Наверное, здесь еще сохранился запах свиней и кур. В наше время шакалы часто подходят к населенным пунктам.

– Ты уверен, Чарльз? – спросил Эдди.

Тот сунул колбаску ему под нос. Эдди отшатнулся.

Вуси спросил – тоном исследователя, а не праздного зеваки:

– Ты что, разбираешься в животных?

– Да, конечно. Прежде всего, берутся во внимание размеры и форма. Ну, это просто – кто угодно увидит разницу между слоном и птенцом.

Все засмеялись. Однако Чарльз продолжал на полном серьезе – так человек, давно уволившийся с завода, берет в руки привычный инструмент и орудует им с теми же автоматизмом и легкостью, как когда-то, работая на конвейере.

– Даже если экскременты потеряли форму, многое можно определить по составу съеденной пищи. Путешественники и жители буша веками пользовались этой методикой. Она стала частью их охотничьей науки.

– Этому тебя научили в лагере скаутов?

– Не совсем...

– Тогда где же ты этого набрался? – спросил Вуси и, обращаясь к остальным, добавил: – Головастый парень наш Чарли! Нам повезло с таким товарищем!

Джой, вежливо улыбалась, слушая, как Чарльз повторяет другим то, чем поделился с ней в начале их близости.

– Хотите верьте, хотите нет, но одно время я работал лесничим в заповеднике.

Это было одно из занятий, к которому он прибег, чтобы только не заниматься производством металлической и картонной тары, как отец и дядья, владевшие сорока процентами акций в этом бизнесе. Или («ну, раз уж ты не создан для предпринимательства...») не поступить на работу в так называемый Научно-исследовательский центр изучения природного топлива, где ни наукой, ни природой даже не пахло.

– Шутишь? Где именно?

– О, в разных местах. У меня не было специального образования, и я учился у рейнджеров на Шангане.

– Ага, значит в Крюгере⁵.

Вуси сопровождал свои рубленые фразы энергичными кивками. Было дело – нелегально пробираясь домой, он проходил через этот охраняемый участок, где еще сохранилась первозданная дикая природа.

Его охватила тревога. Внешне это выразилось в том, что его маленькие жесткие уши плотнее прижались к голове.

Чарльз вытер ладони о брюки и сцепил руки на затылке, давая расслабиться шейным мышцам.

– Хорошо бы на досуге применить эту методику к людям. Так сказать, провести классовый анализ, – он немного помолчал, наслаждаясь их смехом. – Взять образцы нечистот с фешенебельной окраины, где живут белые, и из мест «самоостроя». Или взять чернокожего работягу, слопавшего на обед полбуханки хлеба, запив его банкой пива, и белого чиновника, наслаждающегося блюдом из устриц под «флер де кап». Покажи мне свои экскременты, и я скажу, кто ты.

* * *

⁵ Шангане – название реки. Крюгер – название национального парка.

В тот день старик-чернокожий не появился на участке. Он не был мародером, хотя и следил за Россерами с момента их водворения на усадьбе Клейнхена. У него был свой способ вести наблюдение, никому не мешая и оставаясь незамеченным.

Этот сельскохозяйственный рабочий ходил в церковном облачении, чтобы хозяева не прогнали его взашей, как бродягу. Но ему не было нужды беспокоиться: супруги практически не выходили из дома. Зато он часто видел во дворе двоих парней с его цветом кожи, видимо наемных рабочих.

На этот раз он пришел посмотреть, как растет кукуруза. Да... Целью его визита было как-нибудь договориться о получении части урожая.

Этим ребятам, ответившим ему на диалекте «сесото», было все равно, что есть – проблему представлял только белый хозяин. Не могли бы они принять его в свою компанию? Сколько раз он являлся сюда затемно, чтобы без помех и не причиняя никому беспокойства, прополоть кукурузу.

Но эти парни отличались повышенной щепетильностью. Они и слушать не хотели о помощи. Один, одетый в джинсы и рубашу с пальмами (так одевается городская молодежь), сказал: не волнуйся, мы сами справимся.

Водя взглядом по двору, старик выразил свое восхищение тем, как они модернизировали сарай, и любопытствовал, почему хозяин не занимается вспашкой. Что они думают сажать? И зачем слуги, если они не собираются заводить кур или свиней?

Вуси объяснил: сельскохозяйственные работы отложены на потом. Хозяин решил сперва оборудовать гараж. Опять же ремонт в доме... Нужно покрасить полы и стены.

Да, верно... Мистер Клейнхен перед смертью долго болел, и дом пришел в упадок.

Трое черных беседовали в саду больше часа. Утомившись стоять, они двинулись к ящикам из-под оружия и уселись на них. Закурили. И продолжили разговор, в котором нашлось место для жестикующей и смеха. Гость снял шляпу, обнажив большую, блестящую на солнце, шишку на голове.

Белые следили за ними через окно ванной. Там было окошко с непрозрачным стеклом – что-то вроде люка, увитого высохшими лозами.

Из кухни наблюдать было удобнее, но зато и их самих было бы видно снаружи. Главное, не зная языка, они бы все равно не поняли темы разговора.

Сначала они просто испугались. Потом почувствовали себя чем-то вроде шпионов. Презренных, никому не нужных людей.

За последние несколько недель все четверо значительно сблизилось. И вдруг все лопнуло как мыльный пузырь. Эдди и Вуси были совсем рядом, но Джой с Чарльзом остро почувствовали свое одиночество. Они не могли понять, что, собственно, происходит.

Наконец незванный гость забрался на свой велосипед и покатил прочь, сопровождаемый криками прощания, как принято у черных.

Все четверо сошлись на кухне. Девушка тяжело дышала, как после подъема на гору.

– Он работал на прежнего хозяина усадьбы. Просит отдать ему урожай кукурузы.

Чарльз не мог больше сдерживать эмоции.

– Господи, мы тут чуть с ума не сошли. У нас создалось впечатление, будто вы знаете этого человека. Мы думали... прямо не знали, что и думать... может, это вопрос... может, он припер вас к стенке... А чем мы могли помочь? И при этом у вас был такой довольный вид...

Постепенно обвинительная интонация сошла на нет. Ему даже стало смешно.

Эдди достал пиво.

– Надо было бы угостить его пивом, но не мог же я пойти на хозяйскую кухню и открыть холодильник. Наверное, он недоумевал, почему мы не приглашаем его к себе. Я уж было придумал объяснение – дескать, мы ночуем в другом месте, у своих подружек... но он прекрасно знает всех в округе.

Оставалось надеяться, что он не придет. А потом это уже не будет иметь значения.

Джой не смотрела на Чарльза, но ее слова относились к нему:

– Скоро мне придется подкладывать подушку. На прошлой неделе я встретила в аптеке жену нашего агента по продаже участков, так она удивилась: «У вас все еще ничего не заметно!»

– Господи... Давай-ка ты больше не езди в город. Джой не обиделась. Она сменила прическу – завязала волосы узлом на одной стороне головы. Все-таки она была женщина, и у нее оказалось достаточно времени, чтобы заняться своей внешностью. Правда, получилось некрасиво: с другой стороны, откуда волосы были откинута, обнажилась выпирающая кость.

– А что за глаз Циклопа был у него на голове?

Эдди непонимающе моргнул.

– Что-что?

– Ну, у того старика была блестящая шишка на черепе.

– Киста, наверное, – рассеянно ответил Чарльз. Ни у кого, кроме Джой, эта деталь не вызвала интереса.

– Он 12 лет работал на Клейнхена. Тот платил ему 15 рандов в месяц. После его смерти дочь Клейнхена сказала Клопперу, что разрешает бывшему слуге оставаться здесь до вселения новых жильцов. Конечно, без оплаты. Его сын работает на кирпичном заводе, у него жена, дети, да в соседней хижине несколько таких же скватеров. Их уже много раз сносили, но они вновь отстраивали свои хибары. С тех пор, как мы приехали, он вынужден жить вместе с ними. Работы нет. Разрешения на работу в городе тоже. Совершенно некуда податься.

– Да... – протянул Чарльз, пропуская бороду сквозь пальцы. – Да...

И вновь потянулись томительные дни ожидания. Начались песчаные бури. Потом пошли дожди. А они все ждали. Спокойно и в полной боевой готовности.

* * *

Мисс Дот Лэм, председатель Ассоциации жильцов того самого микрорайона, где несколько раз видели диковинного зверя, попросилась на прием к члену городского Совета, избранного населением для защиты их прав и интересов. Этот человек не сдержал свои предвыборные обещания: словно специально затем, чтобы показать свое презрение к власти, животное «проредило», как выразился один из жильцов, делянку столовых артишоков, засеянную импортными семенами.

Мисс Лэм провела собрание жильцов. Она была из тех, кто доводит дело до конца, а жильцы именно хотели, чтобы дело было сделано и чтобы они сами при этом палец о палец не ударили. Не так давно она выиграла для них битву против строительства общественного туалета для черных на конечной остановке автобуса, сделав упор на том, что это удобство, от которого не будет особой пользы для соблюдения общественных приличий, только привлечет чернокожих, и без того превративших гордость пригорода – парковую зону – в место сборищ и коллективного распития спиртных напитков. А теперь эта зона стала еще и местом обитания неизвестного хищника. Не потому ли объявили о грядущем повышении налога на недвижимость? Погибло несколько нежно любимых домашних животных. Люди

боялись отпускать детей поиграть в саду.

По требованию жильцов мисс Лэм приняла действенные меры. Вместо того, чтобы и дальше позволять гонять себя по инстанциям, она явилась в полицейское управление и устроила скандал. Застигнутый врасплох, начальник послал вооруженный отряд из двух вооруженных белых и двух черных полицейских прочесать зеленую зону. В результате облавы несколько человек были задержаны за незаконную торговлю спиртными напитками, да еще человек пятнадцать – за нарушение паспортного режима. Но главная цель акции так и не была достигнута.

Организация защиты животных потребовала оградить бедную тварь от преследования и не допустить ее физического уничтожения. Если это действительно обезьяна, ее надлежит поймать и водворить в новый обезьяний питомник, где животные каждый день разыгрывают перед зрителями – главным образом родителями с детьми – церемонию чаепития.

* * *

Эдди вышел на шоссе и остановил попутку. На нем была знаменитая куртка в стиле Дикого Запада. Вуси с Чарльзом еще спали – это был их способ убить время, – но Джой встала рано и видела, как Эдди уходил. Она не стала будить остальных, а потом долго колебалась – сказать об этом Чарльзу и Вуси, когда они проснутся.

За рулем автофургона сидел чернокожий. Они поболтали о футболе. Эдди не попросил высадить его в городке, где Джой и миссис Наас Клоппер совершали покупки. А доехал до самого Йоханнесбурга.

У входа в супермаркет он не сдал вещи – по той простой причине, что их не было – и не стал брать корзину или тележку с номером. Он вел себя как посетитель на выставке: проходил ряд за рядом, время от времени останавливаясь и рассматривая этикетки, словно выискивая имя художника. Позади остались полки с консервированными фруктами и банками маринованных овощей, а также сардинами, анчоусами, тунцом, бутылками с кетчупом, аэрозолями, шоколадками, растворимым кофе, мешками с кукурузной мукой и сахаром, кошачьей и собачьей едой, моющими средствами, кастрюлями, чашками, консервными ножами, электрическими приборами для изготовления пиццы, пилами, ножовками и лампочками. За ними последовали вращающиеся стенды с дамскими колготками и поздравительными открытками юмористического, религиозного и сентиментального содержания. Вокруг белые домохозяйки толкали перед собой тележки со специальными сиденьями для маленьких детей или собачек. Чернокожие рабочие заполняли опустевшие места на полках банками с тушенкой. Другие чернокожие, служащие, пробивали цену на постоянно прибывающих упаковках с товарами. Из репродукторов неслась приятная музыка, время от времени прерываемая голосом диктора. Он приветствовал покупателей и сообщал о новинках.

Эдди провел с полчаса в отделе грампластинок и магнитофонных записей. Слушать не разрешалось, но он и так знал каждую группу и каждого солиста и хорошо представлял содержание каждой кассеты. Главное, он убедился, что в мире поп-музыки ничего не изменилось.

Потом он постоял в очереди у кассы, держа в руках несколько батареек и коробочку с мазью, которая вот уже много лет не попадалась ему на глаза – мать некогда пользовалась ею для лечения любых болячек. Со стенда рядом с кассой он, как завершающий штрих, снял солнцезащитные очки.

На улице Эдди ничем не отличался от других пешеходов. Мимо проносились подростки стайками по три-четыре человека – видимо, не имея определенной цели движения. В их возрасте большой город неудержимо влечет к себе, хотя ему и нечего

вам предложить, а потом вы возвращаетесь на задворки. Другие, одного с ним возраста, ловко лавировали между машинами на своих мопедах, доставляя по назначению лекарства и документы, приказы и гамбургеры.

Город стал грязнее, отметил Эдди. На перекрестке улиц Джеппа и Бри – все те же длинные очереди на автобусной остановках – и, как следствие, канавы, полные фруктовой кожуры и банок из-под кока-колы. Португальцы в своих забегах по-прежнему кормили посетителей какой-то бурдой; таксисты использовали Диагональную улицу в качестве бесплатной стоянки, где они с гордостью владельцев беговых лошадей мыли, скребли и полировали свои машины. Женщины толпились у входа на рынок, где велась оптовая торговля птицей и где можно было купить по дешевке ведерко куриных потрохов.

Зато в той части города, где жили белые, не было ни уличных лотков, ни палаток – только конторы страховых компаний, банки, ухоженные аллеи, Прохожие, точно гусеницы, чинными цепочками переползали с улицы на улицу и наконец попадали в центр города. Здесь уже редко встречались люди с его цветом кожи. В тот день была суббота, и на улицах можно было заметить мулатов – художников, столяров и плотников, одетых в светлые шорты «сафари», куртки и соломенные шляпы с пестрыми лентами, как у их далеких предков – буров. На чернокожих детишках из богатых семей носили ослепительно белые гольфы, а девушки балансировали в босоножках на высоченных каблуках – в этом сезоне их носили вместе с джинсами. Вблизи можно было разглядеть, что ногти на руках и ногах у них покрыты ярко-красным лаком. Потом, когда они истратят все деньги, цветные вернутся туда, где им и полагается быть. Но все же центр города уже трудно было назвать, как пять лет назад, «только для белых».

Он долго стоял возле витрины одного из магазинов, глаза на карманные калькуляторы всех видов, фото– и видео-оборудование и портативные магнитофоны, которые, как когда-то часы, с каждым годом уменьшались в размерах. Зайдя внутрь, он рассмотрел эти изумительные творения рук человеческих вблизи. Их охотно демонстрировал молодой продавец-португалец – видимо, из тех, что бежали сюда от черных властей Мозамбика примерно в то же время, когда сам Эдди удирал от полиции Йоханнесбурга. Где-то здесь находится их управление по делам политических – симпатичное на вид здание, выкрашенное в бледно-голубой цвет и расположенное на площади Джона Вустера, в нескольких кварталах от магазина, где он примерял наушники.

– Классная вещь, правда? – спросил продавец. – Их совсем не чувствуешь на голове – такие легкие.

Португалец показал Эдди всевозможные модели, а когда тот собрался уходить («мне нужно подумать»), вручил ему визитную карточку и написал свое имя: Мануэль. «Спросите меня, и я вас с удовольствием обслужу».

В магазине готовой одежды продавец-индеец провел его вдоль ряда брюк для повседневной носки.

– Такие сейчас поголовно носит молодежь. Ярких расцветок. Сколько вам – лет двадцать восемь?

Наметанным взглядом он определил ширину талии Эдди и похвалил его куртку – «сразу видно, не местного производства». А когда Эдди «не нашел ничего подходящего», ободрил: «Заходите на следующей неделе: по вторникам у нас завоз».

Он потопал обратно, в направлении Вест-энда, надеясь сесть где-нибудь на автобус, чтобы проехать хотя бы часть пути. Возле мужского бара его заметила чернокожая девушка и подошла, но он улыбнулся – «Спасибо, сестричка» – и продолжил путь. Цепким взглядом проститутки она, единственная из всех, миглом распознала в нем чужака – даже среди таких же чернокожих.

* * *

Стэнли Доброу послал свой снимок на конкурс «Фотография года», проводимый одной из утренних газет.

Старик Грэм Фрейзер-Смит (ему было всего сорок восемь лет, но так уж его привыкли называть друзья) вообразил, будто, несмотря на близорукость, ему удалось посмотреть зверю в глаза. Он рассказывал об этом коллегам в перерывах между операциями по восстановлению разбитых человеческих лиц, которые проводил мастерски, с гораздо большей изобретательностью, чем Господь Бог, создавший женщину из ребра мужчины.

Теперь история в его изложении выглядела иначе. Он якобы нагнулся подобрать мяч и вдруг почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. В течение нескольких секунд они не отрываясь смотрели друг на друга. Вы же знаете, каким завораживающим иногда бывает взгляд... Впрочем, здесь, в операционной, где лица медиков почти полностью – за исключением глаз – скрыты под масками, это не требует доказательств. Нет, правда, он не претендует, подобно ван Гельдеру, на описание туловища и тем более походки. Но глаза... Знаете, как иногда в толпе вдруг выхватываешь чье-нибудь лицо и не можешь оторваться. Такое ощущение, будто ты уже видел его раньше, хотя бы на фотографии. Или кто-то рассказывал тебе о нем в детстве...

В этом месте он обычно останавливался, не желая, чтобы ассистирующие хирурги, анестезиолог, санитарки и студенты-медики, пришедшие полюбоваться виртуозной работой, отнесли этот случай к разряду фантастических – и, стало быть, несерьезных. Но втайне он сравнивал себя с современным Гамлетом, который повидал и собственноручно исправил черепа сотен и тысяч Йориков. У него было такое ощущение, как будто в тот миг ему удалось заглянуть в бездну вселенского сознания. Есть в человеке некая тайная суть, способная проявиться только таким непредсказуемым образом и только через ощущения, минуя разум. Словно провал в другое измерение...

* * *

Эдди вернулся перед наступлением темноты.

Вуси с Чарльзом играли в шахматы, а Джой жгла мусор во дворе. В руке она держала сломанную ветку и тыкала ей в костер, как кочергой. Когда он поравнялся с ней по дороге к дому, она подняла руку в приветственном жесте и улыбнулась, не замечая, что на голову сыплется пепел. В отсветах пламени она казалась почти красивой.

– Привет.

Эдди остановился.

– Зачем ты это делаешь?

– В ванной поселилась крыса со своим выводком, им нравится тот хлам, что мы перенесли из сарая. Пришлось все выбросить...

Он кивнул, вновь чувствуя себя заодно с ней и остальными. Только напрасно она развела огонь так близко к сараю с его содержимым...

Он продолжил путь.

Наверное, мужчины слышали, как он разговаривал с Джой. Решено было отнестись к его выходке спокойно, но Чарльз не совладал с собой и вскочил. Со стола попадали шахматные фигуры и покатались по полу.

– Ты что, с ума сошел? – выкрикнул Чарльз и выбежал из комнаты.

Вуси открыл рот и тотчас закрыл.

Эдди поддел фигуру ногой и отшвырнул в угол. Сходил на кухню за пивом. А когда вернулся, увидел Чарльза, подбирающего фигуры.

Из проколотой крышки с шумом вырвался газ.

– Ничего же не случилось. Я съездил в город и вернулся.

Вуси молчал.

Чарльз тяжело опустился на стул.

– Извини. Но ты должен сам понимать, какой это риск – и для тебя, и для нас.

– Ничего же не случилось, – повторил Эдди, глядя на Вуси. Это он здесь главный. Он, а не Чарли.

– Я ни с кем не встречался. Правда.

Вуси моргнул, словно отметая тень недоверия.

– Не в том дело, приятель. Тебя могли арестовать.

– Но не арестовали же.

Войдя в комнату, Джой с облегчением обнаружила, что мужчины не ссорятся. Ссориться было так же опасно, как разводить костер у сарая. Главным условием их совместной работы была дисциплина. Если бы Эдди задержали, даже если бы не опознали в нем объявленного в розыск преступника, ему все равно светило непродолжительное заключение за нарушение паспортного режима (по своим новым документам он работал на ферме и не имел права искать работу в городе). А главное – рухнула бы дисциплина, на которой все держалось. Да и выполнение задания было бы поставлено под угрозу. Вуси не мог обойтись без Эдди, Вуси и Эдди – без Чарльза и Джой, а те, в свою очередь, – без Вуси и Эдди. Все они были неразрывно спаяны, и хорошо, что Эдди вновь занял свое место под экзотической люстрой.

Ночью до Чарльза и Джой долго доносились голоса из каморки. Не зная языка, каждый подставлял свои реплики – что бы они сами сказали на месте Вуси. Чарльз не понимал, как Эдди мог поставить под удар самого Вуси, который уже участвовал в нескольких подобных акциях, прекрасно знал свою работу и четырежды был на краю смерти. Джой недоумевала: почему, если Эдди отдает себе отчет в том, зачем он здесь оказался – а к этому вела вся его жизнь, жизнь всех предшествующих поколений его соплеменников, – почему его потянуло на людные улицы города, которым все еще правили такие, как ее покойный дедушка-расист. Бедный Эдди! Этому могло быть только одно объяснение. Видимо, даже после того как он провел детство на улице, в потом не смог приспособиться к медленно, но все же прогрессирующим порядкам, не нашел себе места среди людей с тем же цветом кожи, однако сумевшим «выбиться в люди» – заняться бизнесом, медициной, адвокатурой или легальной общественной деятельностью. пусть даже ограниченной местами проживания чернокожих, – даже после этого он плохо представлял себе смысл их деятельности. Видимо, не располагал достаточной теоретической подготовкой.

Взять хотя бы ее. Если бы не литература о расовой дискриминации и классовой борьбе, – разве оказалась бы она здесь, после того как годами пела в школе: «Боже, храни белую Южную Африку»? Разве поняла бы со всей определенностью, что для нее неприемлемо – жить в роскошном пригороде для белых, вынашивать счастливых (разумеется белых) детишек? Нет, сейчас она не представляла себе другого места на земле, кроме бывшей усадьбы Клейнхена с видом на электростанцию.

Наутро в доме царила спокойная, чинная атмосфера. Эдди перестал бубнить: «Но ведь ничего же не случилось». Видимо, Вуси объяснил: если ему обрыдла усадьба Клейнхена, это не страшно: начиная с завтрашнего дня, мужчины каждую ночь будут уходить на задание и возвращаться перед рассветом.

После ужина все трое вышли во двор. Луна еще не взошла. Свет из кухни падал

на дверь сарая, порождая тусклые отблески. Дверь с легким скрипом поднялась, пропуская мужчин, и со скрипом опустилась. Эдди поморщился.

– В следующий раз, Чарли, купи, чем ее смазать, а то скоро будет скрежетать на всю округу.

Чарльз изогнул брови, раздул ноздри и подавил зевок.

Тем временем Джой безропотно вымыла посуду. Пусть мужчины как следует обсудят план действий в непосредственной близости к предметам, необходимым для его осуществления.

Они отсутствовали довольно долго. Джой взяла банку пива, пошла в гостиную и включила плэйер Эдди, который всегда лежал в определенном месте на диване.

После того, как она сказала Чарльзу и Вуси об отъезде Эдди, Джой старалась не попадаться им на глаза, то есть как можно реже бывать в гостиной и спальне, которая формально принадлежала Чарльзу. Это-то и побудило ее заняться сожжением разного хлама во дворе.

Теперь они снова – все четверо – составляли единое целое, и она с удовольствием расположилась в гостиной с плэйером. Эдди оставил в кассетнике пленку с какой-то ритмичной музыкой. Джой сбросила босоножки и начала танцевать на грубом, отвратительном ковре – Чарльз приобрел его в городе после заключения сделки, дабы убедить Нааса Клоппера в серьезности их намерений.

Подчиняясь ритму, Джой самозабвенно мотала головой, и ее распущенные волосы металась из стороны в сторону. Очки она бросила на излюбленное кресло Вуси. Ее маленькие груди, как и все тело, ходили ходуном. При этом она тихонько напевала.

Неожиданно в дверном проеме, в тусклом свете лампочки в 60 ватт, возникло сонное (что совсем не соответствовало его душевному состоянию) лицо Вуси. За его спиной обозначились Чарльз и Эдди.

Джой улыбнулась и, тяжело дыша, вымолвила, обращаясь к Эдди:

– Заходи.

Он стоял как вкопанный, но мало-помалу начал приходить в себя. Сначала в движение пришли губы, потом ноги, живот, ягодицы, локти, колени, голова – и все это устремилось к ней.

Эдди и Джой танцевали.

Чарльз танцевал только будучи под мухой – изображал неуклюжего медведя, или, если вам так больше нравится, плюшевого медвежонка. Сейчас он растянулся на диване и ободряюще улыбнулся. У него был довольный вид отца, на чью дочь – старую деву – наконец-то обратили внимание.

* * *

После того как беглый павиан, или кто там еще, неделю не давал о себе знать, жители фешенебельной окраины утратили к нему интерес. Недовольство и жалобы переместились из одного пригорода в другой, от богачей к скромным служащим. Как бы к нему ни относиться, зверь явно не отличался снобизмом и ни к кому не питал особого уважения. Оленья нога из дома полицейского, недоеденная собачья еда – все шло ему в пищу. Правда, он не выходил за пределы районов для белых: видимо, был умен и знал, где всегда можно рассчитывать на прокорм. Если не милосердие, так страх заставит этих людей поделиться излишками. Они же хотели только одного: чтобы его поймали и водворили в клетку – в зоопарке или цирке.

Правда, владелец крупного передвижного цирка сказал, что звери, привыкшие добывать пропитание во враждебном окружении, как правило, не поддаются дрессировке.

* * *

Однажды они ушли – и не вернулись.

Никто больше не ночевал в маленькой спальне и не читал про развитие горной промышленности Южной Африки при свете настольной лампы с изогнутой ножкой, водруженной на чемодан между матрасами.

Джой могла бы переселиться туда, но не воспользовалась такой возможностью. Теперь они с Чарльзом дорожили обществом друг друга. Лежа в темноте, они разговаривали об Эдди и Вуси, Чарльз сказал:

– Странное дело: эти двое стали нам ближе всех на свете. Думаю, что и в будущем никто не займет их места.

«Никто» включало любовников, прошлых и будущих. Жену, мужа, детей...

Пару раз перед рассветом Чарльз навещал Эдди и Вуси.

– Они велели мне больше не приходить. Это опасно: можно привести за собой «хвост». Наверное, мы их больше не увидим.

Теперь они занялись уборкой. Главное – нужно было избавиться от всего, по чему их могли бы опознать.

Он не позволил ей сложить в чемодан покрывало в ракушках.

– Ладно, оставляю его здесь.

– Тоже нельзя. У тебя есть платье из такой же материи. Тебя в нем видели.

Она вновь разожгла костер, на этот раз ближе к свинарнику, и вооружилась веткой в качестве кочерги, чтобы не дать ветру разбросать несгоревшие клочки материи. В дальний путь – по приказу тех же людей, которые направили их сюда, – нужно отправляться налегке. Особенно если не знаешь, что тебя ожидает.

Она спросила Чарльза:

– Но если тебе больше нельзя их навещать, что же они будут есть?

(А она-то, жадина, кормила их дешевой колбасой!) В это время Чарльз рвал корешки книг, особенно тех, где остались пометки, сделанные почерком Вуси. (Если бы раньше ему сказали, что он будет жечь книги, ни за что бы не поверил!) Он ответил с беспомощным видом, какой бывает у сильных мужчин, когда ситуация выходит из-под контроля.

– Эдди сказал – уж как-нибудь справятся...

– Да... Вуси – тот вообще не отвлекается от главного...

От тлеющих остатков покрывала шел едкий запах краски. («Этот краситель сделан из натуральной индигоноски», – заверили ее в магазине, в другой африканской стране, перед возвращением на родину с паспортом, выписанным на чужое имя).

Она спросила, скоро ли акция. Чарльз ответил: для этого нужно удачное стечение обстоятельств плюс высочайшая степень готовности.

Теперь, Джой с Чарльзом, по примеру других землевладельцев, нередко выходили на лужайку, подышать свежим воздухом. Они пили пиво и жадно всматривались в то единственное, что маячило на горизонте, – вышки электростанции.

Однажды прикатил чернокожий старик на велосипеде – посмотреть, как дела на кукурузной полянке. Чарльз и Джой как раз пили кофе с хлебом на кухне – было семь утра; даже Чарльз теперь не мог долго спать. В окно они видели, как он завел велосипед за сарай, а потом осторожно выглянул оттуда, вытянув шею, как петух перед боем.

– О Господи, – вздохнула Джой. Она спала в блузе, осталось надеть только юбку из индийского ситца. – Пойду спрошу, что ему нужно.

Она вышла во двор с надменным видом белой госпожи – не настолько надменным, чтобы стать противной себе самой, но достаточным для того, чтобы бывший слуга Клейнхена ничего не заподозрил.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила она самым вежливым тоном, но у непрошеного гостя словно ноги приросли к земле. Он снял шляпу и пробормотал на африкаанс:

– Миссус... миссус...

Джой тоже перешла на африкаанс.

– Что вам нужно?

Он энергично мотнул головой: ничего. Он только хотел потолковать со слугой.

Она повела себя как все белые хозяйки в подобных случаях: сделала вид, будто не понимает, о ком речь.

– Каким слугой? Как его зовут?

Имени он не знает... те двое, что работают на ферме... можно их повидать? Они... – на старика снизошло озарение, – родственники его невестки.

Хозяйка сочувственно улыбнулась.

– Ах, эти! Они получили расчет и уехали. Муж нанял их, чтобы сделать ремонт в доме. Работа окончена, они нам больше не нужны.

– Уехали?

Старик понимал: куда они уехали – спрашивать бесполезно. Когда чернокожий получает расчет, хозяину нет дела до его планов. Мало ли где еще подвернется работа...

Тогда ему пришла в голову другая мысль, о чем Джой догадалась прежде, чем он открыл рот.

– Не нужен ли господам работник на ферме? Я много лет работал у мистера Клейнхена...

Джой сопроводила отказ улыбкой.

– Нет, спасибо. Муж уже договорился, в следующем месяце прибудет человек с фермы его брата.

Оба лгали, но лгали по всем правилам.

Она еще раз выразила сожаление. Это придавало старику смелости.

– После смерти мистера Клейнхена я какое-то время работал здесь, на ферме. Это я посеял кукурузу. Тот парень... ваш слуга... сказал, что поговорит с хозяином – может, мне позволят собрать урожай?

– Нет, я ничего об этом не слышала. Но ведь кукуруза еще не созрела.

– Не сейчас. Потом, когда поспеют початки... Он обещал поговорить с вами...

– Хорошо. Можете собрать кукурузу.

Он не поверил столь быстрому решению вопроса.

– Хозяин не заявит в полицию?

(Наверное, она из тех белых женщин, которые указывают мужьям, что делать).

– Не заявит.

– Если хозяин и хозяйка захотят поесть кукурузы... еще до того как она поспеет... можете нарвать себе початков...

– Спасибо, – и потом обычная фраза, которой белые спешат закончить разговор – нет чтобы подольше попользоваться предложением ничего не делать! – Значит, мы обо всем договорились?

И, не дожидаясь ответа, направились в дом, а он, раз такое дело, позволил себе заглянуть на кукурузную полянку.

Примерно полчаса спустя Джой с Чарльзом не обнаружили за сараем его велосипеда – старик уехал.

Чарльз сварил кофе.

Джой подула на свой напиток.

– Думаю, это вполне безобидный тип.

Да, но это-то и заставило Чарльза насторожиться. Делянка с кукурузой – удобный повод для слежки! Предлог для расспросов, где сейчас Вуси и Эдди. Он живо представил себе, как человек в штатском обещает бедняге несколько рандов за то, чтобы тот разузнал, что творится на ферме, где ничего не посеяно, кроме злополучной кукурузы.

– Ты все сделала правильно.

– А если бы я его прогнала?

– Это было бы хуже.

– Да, кстати! – оживилась она, ободренная похвалой. – Я сказала, будто в следующем месяце должен приехать работник с фермы твоего брата. Чтобы отказ выглядел естественным.

На лице Чарльза отразились сомнения.

– В следующем месяце?.. Не думаю, что это подействует. Он все равно будет являться и канючить насчет работы. Еще и приятелей приведет.

– Надо было тебе самому выйти, изобразить «грозного хозяина».

– Я же сказал: ты прекрасно провела эту сцену.

В прошлом, когда они были любовниками, его даже трогали ее комплексы, однако теперь он почувствовал раздражение. Если они хотят помочь Эдди и Вуси, то просто не могут позволить себе такую роскошь – неуверенность в себе.

Но Эдди с Вуси ушли, а они должны жить тут вдвоем вплоть до получения дальнейших инструкций. На всем белом свете у них не осталось никого, кроме друг друга. Их больше не соединяло желание, но у них был общий дом, вернее место временного пребывания, как для солдата – окоп с фотографиями знакомых девушек на стенках.

* * *

Семейство обезьян нельзя отнести к всеядным в строгом смысле этого слова. Подобно людям, обезьяны приспосабливаются к условиям жизни. Если данная особь в прошлом была домашним любимцем и, стало быть, ее вкусы определялись человеком, скорее всего ее рацион включал в себя фрукты, овощи, каши из круп и, может быть, черствый хлеб. У нее также должна была развиться, как у большинства существ, в качестве компенсации привычка к некоторым лакомствам. Хотя обезьяны в естественной среде привержены к растительной пище, в чрезвычайной ситуации – например, в засуху – они питаются всем, до чего могут дотянуться. В неволе эта атавистическая черта способна принимать гипертрофированные формы. К примеру, откормленный голубой павиан в Йоханнесбургском зоопарке мгновенно отрывается от своего обычного занятия – вялой мастурбации, – чтобы ударить, а затем разодрать в клочья голубя, залетевшего в клетку в поисках крошек. Наверное, именно этот инстинкт заставил беглеца на первом этапе убивать или наносить тяжкие телесные повреждения кошкам и собакам. Им руководил страх. Люди для него олицетворяли насилие и неволю, собака или кошка были чем-то вроде промежуточных существ, с которыми не столь опасно связываться. Нападая на домашнее животное, зверь нападал на любимца человека, уж не говоря о перспективе сытного ужина.

Однако позднее его повадки изменились. Он стал шарить по помойкам. Не от храбрости – от отчаяния. Он по-прежнему охотился в фешенебельных районах, но в последнее время участились случаи его появления на рабочих окраинах. Видимо, именно в таком месте жили его бывшие хозяева (хотя никто не заявил о пропаже). Потому что голубей, кроликов и обезьян в основном содержат люди с низким доходом.

Например, выгуливание ручной обезьянки служит способом привлечь к себе внимание для тех, кто давно потерял надежду стать телезвездой или директором компании.

Одна писательница, принадлежащая к левому крылу и считающая своей обязанностью высказываться по поводу социальных противоречий, выступила с едкой статьей, в которой высмеяла странную жалость к животному, в то время как сотни и тысячи чернокожих (она назвала точную цифру) не имеют постоянной крыши над головой, а если занимаются самостроем, их хибары сносят бульдозеры.

Другие, с консервативными взглядами, смотрели на проблему под другим углом, но и у них вызвали раздражение любители животных и борцы за охрану природы, которых благополучие чертовой обезьяны волнует больше, чем покой законопослушных горожан. Если на то пошло, обезьяна, или кто там еще, сама выбрала свою судьбу. Сидела бы тихонько во дворе или в клетке, и ей не пришлось бы теперь спасаться от блюстителей порядка. Короче, так ей и надо.

* * *

Пещеру обнаружил Чарльз. Он обшарил весь вельд в радиусе трех-четырех километров от электростанции, имея при себе отбойный молоток и сумку геолога – на случай если спросят, что, собственно, он здесь делает.

Строго говоря, это была не пещера, а край открытого залегания каменного угля, которое затем уходило под землю. Вход в шахту закрывала буйная растительность. Там, в кустах, они втроем выкопали яму. При этом Эдди попалась ржавая чайная ложечка, а Вуси нечаянно разбил бутылку со спиртным.

– Ага, – оживился Чарльз. – Кто-то оставил тут свою заявку. Видите, на бутылке выбито «Хэттерли Дистиллери». Ей, должно быть, лет девяносто. Сюда в то время стекались искатели со всего мира. И столбили места обнаружения полезных ископаемых разными бытовыми предметами.

– Белые, – уверенно произнес Эдди.

– Да. Главным образом немцы, французы, американцы и австралийцы. Да и англичане тоже. После того, как в Трансваале нашли золото, они хлынули туда. Но разбогатели лишь те, кто располагал значительным капиталом и мог позволить себе новейшее оборудование для глубоинной проходки.

Эдди мотнул головой, чтобы стряхнуть песок.

– Думаешь, здесь есть золотишко?

– Не в таких количествах, чтобы говорить о рентабельности добычи, – с усмешкой ответил Чарльз. – Скорее, запасы железной руды.

– Вот уж не думал, что из-за этой работы заделаюсь шахтером.

Вуси перестал копать и одобрительно поцокал языком.

Подобно своим далеким братьям, таскавшим на себе уголь и мешки с картофелем, они с Эдди разгрузили и уложили в яму автоматические винтовки и штыки. магнитные мины с часовым механизмом и ручные гранаты. Потом яму укрыли пленкой и засыпали землей и травой. Их собственный ночлег оказался не столь комфортабельным. Нависающий над входом в шахту край скалы Чарльз укрыл пленкой, чтобы земля не сыпалась на голову. Они постелили на пол две простыни, снятые с матрасов в их бывшей камерке, достали консервы и несколько пачек сигарет. Вход в расщелину, незаметный с трех сторон из-за скал, с четвертой закамouflировали ветвями росшего поблизости одинокого дерева – уже по дороге домой, задним числом, Чарльз пришел к выводу, что это трансваальский вяз.

Решено было не разводить костер. Но еще до того, как его попросили больше не приходить, Чарльз притащил миниатюрную туристскую газовую плитку, которой

можно было пользоваться только днем, когда бледно-голубой венчик полностью растворялся в ярких солнечных лучах. Никогда еще солнце не казалось им таким ослепительным, немилосердным и вездесущим. Во всей округе оно не смогло дотянуться только до этих двоих, прячущихся в расщелине.

На досуге они резались в карты, много спали. Подолгу спорили о пустяках – например, о том, что спортсмены живут дольше, и правда ли, что иглоукалывание помогает избавиться от привычки курить. Вуси вспоминал невесть почему сохранившиеся в памяти подробности: например, о том, как жарким летом в России он ложился на траву в парке и от земли шел пронизывающий зимний холод. Это почему-то напомнило Эдди, как однажды в Алжире он познакомился со ссыльным из Камеруна и они неделями подряд спорили о политических группировках в Африке. Он только не смог вспомнить, к какому заключению они пришли.

После того, как Чарльзу было запрещено приходить, Эдди иногда по ночам пробирался к шоссе, чтобы нацедить воды из колонки близ закрытой в это время суток индийской лавки. Случалось ему наведываться туда и во второй половине дня, чтоб купить сигарет и сахару и возвратиться в пещеру с наступлением темноты. Вуси мог бы обойтись и без того, и без другого, но не возражал. С тех пор, как Эдди позволил себе «самоволку» и это сошло ему с рук, у него создалось впечатление, будто он заговорен от опасности. И потом, перепачканный в земле, пропахший потом, он ничем не отличался от сельскохозяйственных рабочих, заходивших в лавку за спичками, кукурузой, мылом и сахаром; сдача давалась дешевыми леденцами. Он приносил жвачку и глянцевого журналы, издаваемые белыми для черных – на обложках обнаженные чернокожие девушки с улыбкой раздвигали ноги. Вуси журналы игнорировал. И не скучал по книгам, которые когда-то с большим трудом перенес через границу. Он вообще ни в чем не нуждался.

* * *

Миссис Лили Шольц развесила на веревке сиреневые синтетические шапочки, которые клиенты ее парикмахерского салона надевали на голову, – в конце рабочей недели она уносила их домой, постирать в выходные. Ее муж Бокки, бывший начальник смены на шахте, а ныне торговец автомобилями, помогал соседу красить самодельный гоночный автомобиль. Услышав, как стукнула крышка мусорного бака, миссис Шольц решила, что это их кот, которого она назвала в честь популярного сериала, залез в бак и не может выбраться. Мусорный контейнер помещался между гаражом и флигелем для прислуги. Служанка, Пейшенс Нгулунгу, на выходные уезжала к себе в Наледи, и Бокки предавался там своему хобби – столярничал.

Подойдя ближе, миссис Шольц убедилась, что крышка открыта, но кота нет и в помине. Она нагнулась, чтобы закрыть бак, и вдруг кто-то тяжелый прыгнул ей на спину и укусил в правое плечо. «Откуда ни возьмись», – без конца повторяла она потом. Боль была такой острой, что ей показалось – рука вот-вот оторвется, но, слава богу, не оторвалась. Не сознавая, что делает, миссис Шольц той же рукой, в которой держала металлическую крышку мусорного контейнера, попыталась ударить агрессора, однако он успел соскочить и вспрыгнуть на крышу гаража. Она закричала: «Бокки! Бокки!»

У мистера Шольца, как он потом рассказывал, кровь застыла в жилах. Вы же знаете сегодняшний Йоханнесбург. Бродяги, разные нелегалы, грабители и убийцы встречаются на каждом шагу. Плевали они на пропуска – никакая сила не может удержать их от вторжения в зону для белых. В мгновение ока мистер Шольц перескочил через забор – одному богу известно, как он не сломал ногу,

– и увидел на крыле гаража огромного бурого павиана. Зверь что-то лопотал,

обнажая клыки длиной – вы не поверите – никак не меньше полутора дюймов! По-видимому, его целью было отогнать миссис Шольц от контейнера с мусором, только и всего. Муж затащил ее на кухню, а сам ринулся за дробовиком. Когда он вернулся во двор, павиан все еще сидел на крыше – наверное, забрался туда по водосточной трубе. Мистер Шольц выстрелил, но он был в таком состоянии, что промахнулся и вместо головы попал примерно в то же место, в которое эта тварь укусила миссис Шольц – забавно, не правда ли? Обезьяна подбежала к другому краю крыши и в одном единственном прыжке преодолела расстояние не менее десяти футов, чтобы попасть на росшее во дворе соседа дерево (они еще называли его райским). Само собой, мужчины бросились в погоню, но павиану удалось убежать.

В доме Шольцев установлена сигнализация, с проводами на всех дверях и окнах. Стоило Далласу попытаться проникнуть в дом через фрамугу, как раздавался истошный до истерики визг. Они также держали хорошо обученного ротвейлера, но тот так и прорых все это время на крыльце – короче, что ни делай, в наши дни вы все равно не застрахованы от опасности.

* * *

В субботу, во втором часу ночи – позднее удалось установить точное время: 1 ч. 36 мин. – во всем районе Витватерсрадской возвышенности Трансвааля погас свет. Несколько вечеринок закончились в полной темноте; вспыхнули потасовки. Две женщины и трое мужчин застряли в лифте ночного клуба. На дискотеках были случаи поножовщины. В местной больнице пришлось перейти на аварийное освещение. Большинство жителей спали и узнали об аварии только утром, когда попытались включить электрический чайник.

В ранних выпусках новостей говорилось об аварии. Причины выясняются. Скоро в пострадавших районах Йоханнесбурга и на периферии заработают запасные источники электроэнергии.

В полдень сообщили: умышленное вредительство исключается. Вечером по телевидению не было никакой информации об аварии, зато по радио передали: из официальных источников стало известно, что причиной взрыва послужили магнитные мины и что электростанции нанесен серьезный ущерб. Сведений о человеческих жертвах нет.

Газеты, которым, согласно параграфу 4 Закона об информации и параграфу 29 Закона о внутренней безопасности от 1982 года, запрещалось приводить данные о размерах нанесенного ущерба, а также причинах и виновниках аварии, равно как и печатать фотографии с места события, пробавлялись бытовыми историями типа «Роды при свечах» с трудом балансируя на грани намеков, припоминая аналогичные случаи в прошлом году и сравнивая их с нынешним. Все это тщательно анализировалось, а новостные передачи напоминали сводки с фронтов во время мировой войны. Печатались карты со стрелками, отмечавшими пути проникновения в страну подрывных элементов из соседних стран; жирные черные линии отмечали их маршруты от границы к месту диверсии. Иногда сообщались подробности и маршруты их бегства. Кого-то удалось арестовать и отдать под суд, кто-то погиб в перестрелке с полицией. В одном или двух случаях был вынесен и приведен в исполнение смертный приговор через повешение.

Премьер-министру предстояло держать речь в аграрном избирательном округе: там должны были состояться местные выборы. Но теперь, вместо того, чтобы отражать атаки на его сельскохозяйственную политику, он получил возможность обратиться ко всем слоям населения за поддержкой в борьбе против внешней угрозы. Ему не было нужды вдаваться в подробности последнего теракта, случившемся

всего за три дня до выступления: одного только траурного выражения его лица было достаточно, чтобы тем, кто жаловался на высокие цены на мясо и кукурузу, стало стыдно.

* * *

Как правило, свежая информация попадает в официальные сводки новостей уже после того, как становится известной в тех кругах, которым положено все знать. Хороший журналист должен располагать своими источниками – как в полиции, как и в органах безопасности.

Шла обычная рутинная работа: были выставлены блокпосты на дорогах, взяты под контроль аэропорты и пограничные контрольно-пропускные пункты. В ожидании сообщений о том, что полиция напала на след бандитов, новости отмерялись скуными порциями. Как всегда в таких случаях, было задержано множество людей, в подавляющем большинстве черных, из которых усиленно, день за днем и ночь за ночью, с применением пыток, выколачивали имена и фамилии, которые могли иметь, а могли и не иметь отношения к взрыву на электростанции.

В управлении на площади Джона Вустера трудились не покладая рук. Сержант Мараис Чепмен в допросах не участвовал: его, вместе с двумя чернокожими из органов безопасности, послали опрашивать население в районе электростанции.

Одному шустрому молодому журналисту стало известно: полицейские предъявили индийцу – владельцу магазина – фотографии задержанных, но он никого не опознал. Они посетили все фермы и все участки, опрашивая чернокожих рабочих. И наконец наткнулись на пустующую усадьбу на участке № 185, где какой-то старик поведал им о покойном господине Клейнхене, о том, что после его кончины ему, бывшему слуге, разрешили выращивать тут кукурузу, что недавно здесь работали двое молодых черных парней, но вот уж две недели как уехали, а белые муж и жена еще на прошлой неделе были дома, но сегодня он пришел прополоть кукурузу, а их не оказалось. Он назвал имя человека, в чьем ведении был этот участок, – Наас Клоппер. Так что вернувшись домой, мистер Клоппер обнаружил, что его ждут полицейские и их интересует все, связанное с усадьбой Клейнхена.

Спустя некоторое время молодой журналист взял у него интервью. Он хотел побеседовать также с миссис Наас Клоппер, потому что муж обмолвился: молодые муж и жена однажды пили чай у них дома и его жена прониклась сочувствием к беременной соседке. Миссис Наас отказалась дать интервью английской прессе: вечно они раздуют до небес любую мелочь, – но согласилась ответить на вопросы симпатичного африканера. Она угостила его кофе и своим фирменным печеньем.

Она вновь, как и в разговоре с полицейскими, описала молодого африканца, вышедшего из-за дома с каким-то инструментом в руке. Он был в джинсах... сейчас все молодые люди носят джинсы, но на этом были слишком шикарные для сельскохозяйственного рабочего. Он не промолвил ни слова. Девушка тоже не вступила с ним в разговор, но встревожилась, когда миссис Наас спросила, не бродяга ли он – много их тут шатается.

Вернувшись на площадь Джона Вустера, полицейские за протоколировали ее описание молодых супругов и завели на них досье, а словесный портрет стали предъявлять допрашиваемым. Даже если никто ничего не скажет – попробуй подчас чего-нибудь от них добиться! – по одному какому-нибудь дрогнувшему мускулу можно судить о многом!

Было известно: взрыв на электростанции – дело рук черных. Однако теперь дело приняло другой оборот. Участие белых стало новостью номер один: ведь ясно же, что один белый стоит двадцати африканцев!

Хотя утечка информации и вредит следствию, органы безопасности сочли полезным сообщить общественности кое-какие подробности, чтобы люди осознали масштаб угрожающей им опасности. Взять оружие диверсантов и занести его над головами обывателей – верный способ заткнуть слишком большие рты и избежать неудобных вопросов типа: а почему угроза стала возможной? Главное – дать премьер-министру все полномочия, каких только он потребует!

Снимки тайника с оружием стали еще одной сенсацией. Автоматические винтовки, магнитные мины с детонаторами, куча патронов... Сюда же для пущего эффекта добавили несколько снайперских винтовок из другого склада оружия – так сказать, в качестве завершающего штриха. Местонахождение склада не разглашалось, но было сказано: оружие было спрятано в укромном месте среди кустов в вельде, где диверсанты провели несколько дней перед нападением. Остальное оружие нашли в гараже пустующей усадьбы неподалеку. Этот похожий на бункер гараж, должно быть, успел послужить арсеналом не одной, а нескольким диверсионным группам! В жестянке из-под печенья, которую миссис Наас Клоппер опознала как свою, хранились патроны.

* * *

На мертвого павиана в парковой зоне наткнулись мальчишки, пришедшие покататься на роликах. Правая лапа была разодрана и вся в запекшейся крови. Кто-то успел сфотографировать павиана прежде чем уборщики согласились – за значительную мзду – увезти тушу на свалку.

Фотография так и не была напечатана. Мертвого павиана нашли в то самое воскресенье, когда случилась авария на электростанции, так что у населения хватало других забот. Не забудьте: ведь многие восемнадцать часов просидели без света!

Ученые подтвердили: это павиан «чакма». Не шимпанзе, не орангутанг, а самая обыкновенная, распространенная в этой местности разновидность.

Снимки усадьбы Клейнхена обошли все газеты на африкаанс, английском и зулусском. Пусть о происшедшем знают все: белые, черные и мулаты, внутри страны и за рубежом. Материалы шли с пометкой «Т», обозначая главную опасность нашего времени, угрозу общественной безопасности и правопорядку.

В доме нашли два матраса и две кровати, а также кипу старых газет, датированных примерно тем временем, когда купающиеся в бассейне ребята впервые увидели злополучную обезьяну. Но эта ниточка никуда не привела.

Единственное, о чем не подумали обитатели усадьбы, это самодельный музыкальный инструмент, некое подобие саксофона. В органах безопасности перерыли все папки политзаключенных в поисках бывшего музыканта. Судя по некоторым признакам, инструмент был сделан чернокожим. Они часто мастерят подобные штуковины из подручного хлама, отбывая длительный срок.

Полиция объявила в розыск, по подозрению в причастности к диверсии, бывших обитателей усадьбы Клейнхена – двоих белых и двоих черных. Вскоре стало известно, что одного африканца опознали и пытались задержать при попытке уйти в Свазиленд. Он был убит при перестрелке с полицейскими. Ни один страж порядка не пострадал.

Одному охраннику при взрыве электростанции оторвало два пальца – других жертв в этой истории не было.

Старика, который ухаживал за кукурузой в усадьбе Клейнхена, повезли в морг на опознание человека, застреленного на границе. От тела мало что осталось, но лицо избежало серьезных повреждений, и опознать его не составило труда. Старик подтвердил: это тот самый парень, который обещал поговорить с хозяевами насчет

урожая. У полицейских не осталось сомнений в том, что белые муж и жена арендовали усадьбу, дабы обеспечить крышу преступникам и запастись оружием для запланированного теракта. Черные делали вид, будто работают на ферме, но за несколько дней до диверсии перебрались в укромное место, поближе к электростанции. Они оставили после себя простыни и пустые пакеты от «фаст-фуд».

Никто не знал, как их звали. Правда, полицейские выбили из заключенных несколько имен, но это ничего не дало. Убитый на границе носил на запястье небольшой брелок на цепочке, на котором было выгравировано «Дженде». Удалось установить, что это – одно из имен революционера, которого знали как Эдди (он также использовал псевдонимы Максвелл и Дэвид Коза). Школьником он участвовал в беспорядках 1976 года. После освобождения он тайно покинул страну, и никто не знал, где он был и когда вернулся.

Белые мужчина и женщина не были расписаны. Скромных молодоженов по фамилии Россер не существовало в природе. Девушка никогда не носила распространенное среди африканеров имя Анна. Мистер и миссис Уотсон, проживающие в Порт-Элизабет, не видели ее много лет. Их дочь, которой они двадцать девять лет назад на радостях дали имя Джой, изменилась до неузнаваемости после того, как приобщилась к революционным взглядам, а они не могли этого терпеть. Насколько им известно, она никогда не бывала в Австралии.

Чарльз на самом деле звали Уинстон Дероше – перед обращением в агентство мистера Нааса Клоппера он переделал свою аристократическую фамилию в Россер.

Второй чернокожий, оставшийся в живых, оказался Захарией Макакуне, а также Сиднеем Тьюли. За ним числилось несколько побегов из мест ссылки; он неоднократно принимал участие в организации диверсий, и ни одна из них не повлекла за собой человеческих жертв. Но однажды удача ему изменит, и он убьет – либо его убьют. Одно время его считали погибшим после налета на квартиру, где он, согласно доносу, нашел пристанище, но потом оказалось, что он успел сменить адрес и вместо него погибли другие люди.

Никто не знает, кем на самом деле считал себя тот, кто погиб на границе, равно как и трое, оставшиеся в живых, и что свело их в этом конкретном месте, на этом конкретном отрезке времени.

Чарльз – бывший возлюбленный Джой, он же Чарли – товарищ Эдди и Вуси, он же Уинстон Дероше, которого отец назвал так в честь своего кумира, не имеет ни малейшего понятия о том, что его далекий предок, француз де Роше, был миссионером, мечтавшим о всемирном братстве, независимо от цвета кожи. «Вуси» не догадывается о том, что бутылка с подозрительным пойлом, которую он случайно разбил у входа в старый забой, была из партии, произведенной на местной фабрике, – ее похвалил сам президент Пауль Крюгер. Точно на такой же фабрике в вельде трудился прапрадедушка самого Вуси, получая жалкие гроши, причем эта сумма практически не изменилась для черных до сих пор, несмотря на то, что шахтерское поселение получило статус городка, потом города, потом крупного промышленного центра.

* * *

Доктор Грэм Фрейзер-Смит, который сподобился на поле для гольфа в изумлении заглянуть в глаза эволюции гоминидов, пребывает в полном неведении относительно предыдущих стадий собственной эволюции. Он не знает о своем происхождении – всего три поколения назад – от горничной Мейзи Маккаллок, которая сначала выносила помои из поздне-викторианского шикарного, ныне объявленного национальным достоянием, особняка промышленного магната, а

затем передала эту должность чернокожим представительницам своего пола, чтобы открыть бордель для мужчин с любым цветом кожи на Джепп-стрит.

* * *

До сих пор остается неизвестным, кто были хозяева павиана, от которых он так несчастливо удрал.

Точно так же не удалось установить происхождение статуэтки – изображения священной обезьяны, – хранящейся в городской художественной галерее. Ее относят к XVIII веку и считают копией статуи, созданной в VII веке в Маллапураме, Индия. Пожилая леди, передавая ее в дар галерее, эмигрировала в Южную Африку, спасаясь от расового геноцида в Европе. Она не знала о художественной ценности статуэтки и не подозревала, что, пускаясь в бегство, спасает не только свою жизнь, но и часть европейской культуры.

Забой, у входа в который прятались Эдди и Вуси и который Чарльз отнес к началу XIX века, на самом деле гораздо старше. Его начало уходит вглубь веков гораздо дальше чего бы то ни было в традиционной или альтернативной истории или даже устной традиции – к тем временам на заре человечества, когда люди научились руками придавать предметам форму и, сжигая древесный уголь, получать технические алмазы. Кратковременной акции Эдди и Вуси и всем грозным приспособлениям, которыми они пользовались, суждено было замкнуть цепь, потому что еще до золотой лихорадки 1890-х, до исчисления времен, в подобных местах уже существовали древние карьеры и попадались благородные металлы. Их добывали и переплавляли для собственных нужд чернокожие.